

Илья Видманов

НА ПОСЛЕДНИЙ ШАНС МЕНЬШЕ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Илья Алексеевич Видманов

На последний шанс меньше

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42021499

SelfPub; 2021

Аннотация

В Новосибирске вспыхивает бандитская разборка, в результате которой быстро становится крайним невинный. Его арестовывают, после чего он очень быстро умирает... Бандиты успокоились, вот только они не знали, что сын этого человека не из робких. Вскоре на них обрушивается заслуженная кара, а герой, решившийся в одиночку противостоять целой банде, становится изгнанником и бежит, стремясь уйти от расправы. Какая ирония, ведь совершив дома настоящий подвиг, спасаясь от преследования этот человек попадает в переделку ещё яростнее и круче, чем та, от которой он убегает!

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	41
Глава 3	89
Глава 4	105
Глава 5	115
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Илья Видманов

На последний шанс меньше

Пролог

Жар, выпавший на это лето, уже давным давно миновал. Человек в солнечных очках или в кепке сейчас такая же редкость, как абсолютный трезвенник. Иногда даже можно заметить, что люди на всякий случай ходят по улице с зонтиками. Кстати заметив одного такого сидящий на лавочке мужчина задумался и поднял глаза к небу – затянутое тучами оно как раз будто бы обещает скорый дождь. Да и ветер какой-то сырой, холодный. Гоня листья он ещё и шею щекочет, заставляет ёжиться... Брррр...

Неожиданно громко каркнула ворона. Точно чем-то напуганная, птица взмахнула чёрными крыльями и улетела, оставив покачивающуюся веточку. Проводив её беспокойный взглядом, мужчина сглотнул и решил проверить часы. Половина седьмого. Пора...

Одетый в пачканную, много раз штопаную спецовку давно уже не синего цвета, с такой-же старой, замызганной кепкой, мужчина взял пластиковый чемоданчик и пошёл к дому, напротив которого сидел. Изюминкой в его невзрачном наряде выделились новенькие белые перчатки, подходящие

к остальной одежде, как пирожное подошло бы в прикуску к селёдке. Мужчина не торопился. Кидая взгляды по сторонам, он шёл, как на прогулке в парке. Подбираясь к нужному подъезду, он не спешил. Подойдя к домофону, он достал универсальный ключ... но тут же зажал его в кулаке и наклонил голову, закрыл лицо козырьком кепки. Из подъезда донеслись бодрые шумные шаги. Пропищал электронный гудочек. Подъездная дверь распахнулась и наружу, не глядя по сторонам, выбежала запыхавшаяся девушка. Даже не взглянув на прохожего, она поторопилась прочь. Её заканчивающиеся крашенными ноготками пальчики прямо на ходу набрасывали по телефону какое-то сообщение.

Отмерев и глубоко, но сдержанно вздохнув, мужчина вошёл в подъезд и, прошагав мимо лестницы, вызвал лифт. Разъехавшиеся створки пропустили внутрь железной, уже давно не новой коробки. С жужжанием и скрипом она поднялась на шестой этаж. Выйдя в коридор, мужчина прокашлялся и огляделся. Взгляд его поймал электрораспределительный щиток.

– Кхм-кхм... Та-а-ак...

Подойдя к щитку, он достал кусачки. Связывающая ушки проволока чикнулась, распалась на две кривые половинки. Дверки щитка раскрылись, обнажились счётчики квартир. Выкрутив пробки у двадцать второй, мужчина спрятал их в карман и, приняв как можно более занятой вид, стал ждать.

Не прошло и трёх минут, как замок двадцать второй

хрустнул и дверь квартиры раскрылась. На пороге, одетая только в домашний халат, возникла очаровательная блондинка. Волосы падают ниже плеч, белая персиковая кожа сияет жизнью. Большие красивые глаза смотрят очень внимательно, а розовые пухлые губы заставляют думать о поцелуе.

Глядя на ковыряющегося в щитке мужчину, с некой растерянностью она произнесла:

– Простите... У нас что, отключили электричество?

– Ой, извините!.. – мужчина улыбнулся и помотал головой. – Нет, только у вас. Кажется, проводка, проходящая через вашу кухню, где-то не прозванивает... Понимаете, у ваших соседей сверху постоянно отключается свет, вот я и пришёл проверить. Вот только хотел к вам стучаться, но по глупости сначала вырубил электрику. Простите, пожалуйста...

Долгое мгновение блондинка смотрела на спеца, потом пригладила волосы и спросила:

– Так в чём же дело? И что с моей кухней? Вам надо будет зайти?..

Мужчина с облегчением кивнул, виновато улыбнулся.

– Если вы не против! У вас на кухне с проводкой всё в порядке? Мне кажется, повреждения должны быть именно там...

– Не знаю... – женщина пожал плечами. – Ну зайдите. Посмотрите, если уж без этого никак...

Мужчина снова кивнул. Смотрелся в этот момент он настолько виновато, что хозяйке квартиры стало неловко. Не

закрывая дверь, она прошла в коридор и остановилась, прислонилась плечом к стене.

– Извините ещё раз за беспокойство!.. – мужчина с очередным поклоном переступил порог. – Работа такая...

Закрыв дверь, он разулся. С большим удивлением женщина заметила на его ступнях совершенно чистые новые носки. Белейшие.

– Только, пожалуйста, побыстрее. У меня работа... – предостерегла она, всё ещё глядя на эти удивительно девственное по сравнению с остальной замызганной одежкой носки. – Кухня вот здесь. Проходите.

Мужчина снова поклонился, после чего пошёл, куда указали. С лёгким волнением хозяйка квартиры заметила, что пока мужчина шёл, он стрельнул взглядом в каждую комнату. За каждый угол глазом зацепился, хоть и старался это скрыть. Зайдя на кухню, он произнёс:

– Ой, как красиво тут у вас... Позвольте, я вот так стол отодвину, а то боюсь попортить. Ага, чтобы розетка была видна... У вас, кстати, изолянты не найдётся? А то у меня кончилась...

От возмущения женщина потеряла тревожную мысль и разразилась на неудачливого спеца, как Зевсова гроза:

– У вас ещё и изолянты нет! А чего ещё у вас нет?! Знаете что?! Если свет не появиться через пятнадцать минут – вы об этом сильно пожалеете! Вам ясно?!

– Что вы! Что вы! – мужчина примирительно поднял оде-

тые в белые перчатки ладони. – Вас задерживать и в мыслях не было! Но, вот кстати, ведёрко бы мне пригодилось. У вас найдётся в ванной тазик какой, или, может быть, лейка?..

Женщина впала в ступор.

– Чего?.. Лейка?..

С честнейшими, как у младенца, глазами мужчина закивал.

– Ну да! Чтобы в неё мусор складывать! Жалко пол ваш марать. Моете-то ведь его вы, как-никак...

Не скрывая раздражения, женщина развернулась и зашагала в ванную. Когда она принялась искать там хоть что-то, способное служить ведром для мусора, её осенило: почему не стодиться кухонное ведро для мусора? Почему искать надо в ванной? И почему электрик собрался проверять электричество в квартире, которую сам же от тока и отключил?.. Намереваясь разоблачить гнусного пройдоху, женщина резко повернулась... и как заколдованная замерла, поймав на себе прямой, жестокий взгляд.

– Это тебе за всё... – притворщик, оказывается, уже стоял за её спиной! Оскалившись, он резко выбросил руку вперёд. – За всё!

Широкое лезвие ножа – её собственного, кухонного! – прокололо халат и впилося в кожу. Вгрызлось в живот по самую ручку! Женщина натужилась крикнуть, но чужая ладонь уже зажала ей рот. С грубостью мужчина выдернул нож. Резко взмахнув он ударил жертву снова, уже в бок.

Животный, безумный страх вонзился в сознание несчастной. Бежать! Спасаться! Выжить!.. Вопреки таким электризирующим мыслям силы бороться почему-то оставили её. Уплыла, как вода сквозь пальцы, её воля к сопротивлению. Сваленная в ванну, скованная мучителем, женщина потянулась к лицу убийцы, попыталась хоть чем-то навредить, хоть как-то защититься. Легко справившись, притворщик выдернул окровавленный нож и направил клинок туда, где должно биться сердце. Удар! От салюта боли глаза жертвы распахнулись, как сверхновые звезды. Руки и ноги её будто обрели силу; в адреналиновом раже они задёргались, как у помешенной! Опьянённая естественным наркотиком, женщина даже на секунду решила, что она справится!..

Дух покинул её. Пышная грудь перестала вздыматься, глаза остановились в одной точке. В неуловимое мгновение тревога покинула её и сделало её лицо каким-то даже умиротворяющим. Тихим. Вымокшая в красном, испачканная в собственной крови, хозяйка квартиры превратилась в жутковатую иллюстрацию алого купания.

Задыхаясь от волнения убийца оставил нож в теле и отступил. С барабанящим, как сумасшедший барабанщик, сердцем он воззрился на творение своих рук. Не выдержав он скривился и с омерзением отвернулся. Оказалось, слева от ванны висит зеркало. Мужчина посмотрел в него: на одежде никакой крови. Ни на рукавах, ни на штанах, даже на перчатках нет – нож он выбрал специально подлиннее... Только

вот лицо бледное, словно не она мертва, а он...

В течение минуты собрав всё, что принёс, мужчина обулся и уже хотел выйти, когда заметил ключик, висящий в коридоре на крючке. Одетые в ткань пальцы сняли железочку. Указательный нырнул в кольцо и несколько раз скакнул вверх-вниз, заставляя ключик крутиться. Глубоко и успокаиваясь вздохнув, мужчина открыл входную дверь и как ни в чём не бывало вышел и закрыл её, после чего совершенной по-хозяйски спрятал ключик в карман.

Как на зло лифтом уже кто-то пользовался и скрежет движущейся кабины подсказал, что двери могут разъехаться прямо перед носом. Решив не рисковать и приняв вид самый мирный, мужчина начал спускаться по лестнице. Когда он миновал четвёртый этаж, снизу раздался стук: кто-то забарабанил в дверь, да с такой силой, будто прибежал сообщить о пожаре! Замерев от внезапного страха, с подсакивающим до горла сердцем убийца глянул через перила – высокий, метра под два ростом незнакомец в кожаной куртке и джинсах позвонил в квартирный звонок, потом снова громко и требовательно постучал. Выругавшись, он пошёл прочь, глядя себе под ноги.

Подождав, пока за незнакомцем захлопнется подъездная дверь, притворщик с прежним напускным спокойствием спустился и вышел на улицу. К удаче никого поблизости не оказалось. Случайно только может сейчас кто-то из окна выглянуть, да и то – вряд ли хорошо разглядит его лицо...

Стараясь не ускоряться, мужчина спокойным шагом прошёл несколько дворов. После свернул в подворотню, где в подвале в укромном местечке ждёт спрятанным особый, набитый вещами рюкзак. Словно выпуская накопившийся, требующий выхода нервоз, мужчина распотрошил его беспощадно, чуть ли не разбросав вещи по сторонам!

Наскоро переодевшись в свежее и сгрудив спецовку, инструмент и обувь в кучу, мужчина вылил на неё запасённый бензин и поджёг. Успевшие было привыкнуть к подвальному сумраку глаза заслезились. К сырой вони подzemелья тут же примешалась вонь костра. Кинув в огонь последнее мужчина ушёл не оборачиваясь. Сейчас он уже только надеялся, что не успел хвататься слишком много блох. В подвалах это всегда настоящее бедствие.

Глава 1

Час Казни

Солнце накалило воздух и выжгло из земли всю влагу. На дороге пыль, как пепел, поднимается от лёгкого шага, даже нечаянного движения стопой. Июль выдался особенно жгучим и для людей в Новосибирске стало привычным болтать, что, мол, такого не было уже давным-давно. И в самом деле не было: даже люди с высокой температурой, которым каким-то чудом не повезло заболеть, не чувствовали озноба, пока другие рядом обливались потом.

По трассе мчит роскошный, блестящий новизной «Мерседес». Лаково-чёрный. Диски в лучах солнца сверкают серебром, тонированные стёкла бросают блики. Машина чуть сбавила ход и повернула на просёлочную дорогу, где под колеса легла уже заботливо уложенная для коттеджного посёлка щебёнка. Несколько соседей выглянули проводить машину взглядом, но быстро потеряли интерес, так как хозяина знают, он местный. По дороге пристала местная собачонка. Погавкала сбоку и убежала, спеша спрятаться обратно в тень.

«Мерседес» пропустил десяток домов, наконец сбавил газ и остановился возле зелёных кованых ворот в стене из красного кирпича. Сделанные на заказ, массивные и с завитыми узорами, ворота дрогнули и начали расходиться. Они открыли бетонированную дорожку. Автомобиль проехал через

портал и остановился во дворе, напротив гаража. Хозяин машины не стал загонять её, так как в любой момент могла стать срочность снова куда-нибудь ехать.

Блестящая дверь приоткрылась и наружу показалась нога в чёрном, начищенном до зеркальности служебном ботинке. Спустя полминуты кряхтений и вздохов человек вылез полностью – в полицейской форме, с погонами полковника, но с животом, как у настоящего генерала. Раскрасневшееся пухлое лицо в капельках пота, черные глаза прячутся за надутыми щеками и стреляют по сторонам, как стрелки из бойниц. Захлопнув машину и даже не включив сигналку, человек направился в дом. А что это за дом...

Трёхэтажный, из декоративного бордового кирпича. С живописными, покрытыми черепицей куполами и коваными решётками на окнах. Этот дворец возвышается над посёлком, как башня феодала над хижинами крестьян. Нет, в посёлке живут и зажиточные, даже очень. У некоторых семей по два, по три дома... Но этот красный замок, как прозвали его дети, считается настоящей здешней достопримечательностью.

Человек спеша повернул ключ в замке. Механизм щёлкнул. Дверь распахнулась, пропустила хозяина в роскошные апартаменты. Разувшись, он прошёл по расписанной под дорожку в итальянском лесу настоящей венецианской плитке. Прошагал мимо широченного телевизора, смотрящего на домашний кинозал из нескольких кожаных диванов. Чело-

век не обратил внимания на уже привычный ему блеск полированных резных перил, ведущих на второй этаж. Шаркая штанами, он поднялся и прибежал в спальню, где стоит резная кровать с балдахином, взглянул в окно.

Дорога, по которой он ехал, пустует, лишь оседает поднятая им самим пыль. Полдень давно миновал, но ни любящие вечно где-нибудь бегать соседские дети, ни тот мужик, майор ВВС на пенсии и большой любитель пошататься по окрестностям, до сих пор на улицу не вышли. А всё невыносимая жара...

Пухлыми потными ладошками человек погладил живот – белая рубашка, и так изрядно промокшая у подмышек, теперь совершенно потеряла вид. Постояв у окна ещё минуту, он громко побряхтел и пошёл раздеваться.

Бутылочка прохладной минеральной воды из холодильника, холодная вода из-под крана... Ополоснув лицо, человек, порыскал и нашёл пульт от кондиционера – на экранчике высветились установка на девятнадцать градусов. Грязные вещи полетели в стиралку, микроволновка ожила и зажужжала, грея недоеденную вчера пиццу.

Сделав всё, что хотел, человек уселся на диван и, уставившись в одну точку, стал настучивать пальцами по коленкам. Лоб его снова покрылся испариной, а домашняя майка спустя всего минуту носки уже стала липнуть к телу. Человек сидел, смотрел на стену и мысленно прокручивал события последних дней. Он настолько погрузился в раздумья, что

даже забывал моргать, от чего глаза его заболели. Так прошло сколько-то времени.

Сквозь открытые окна долетел шорох щебёнки и моторное тарыхтение. Человек оглянулся так резко, что капли пота сорвались с его лба и полетели в разные стороны. Тяжело вздыхая и краснея, как помидор, он подскочил к домофону и замер, точно собака, учуявшая мясо в руке хозяина. Повисла тишина. С улицы уже ничего не доносилось, а сам человек боялся даже шаркнуть ножкой, весь превратился в слух.

Наконец кнопочка на домофоне загорелась зелёным. Звонок пропел российский гимн. Человек затаил дыхание и, как загипнотизированный, уставился на панель... но опомнился, всё-таки нажал нужную клавишу и постарался спросить как можно спокойней:

– Да?..

Из динамика прозвучал знакомый голос:

– Это я. Открывай.

В волнительной спешке хозяин дома по-глупому поклонился домофону, как самому гостю.

– Сейчас открою! Одну минуточку!

Пухлые пальцы нажали специальную кнопку и выездные ворота стали расходиться. Через несколько мгновений во двор въехала «Нива-Шевроле». Обыкновенная, даже где-то потёртая. Боковые окна закрыты занавесочками, лишь на окне водителя занавесочка отодвинута. Закинув руки на руль там сидит серый, совершенно не напоминающий мужчину

с залысиной на макушке. Хозяин дома уже несколько раз видел его, но как ни пытался, запомнить не мог. При случае не узнал бы даже если бы ехал с ним в одном лифте.

«Нива» припарковалась рядом с «Мерседесом». Водитель опустил стекло и высунул расслабленно локоть. Одна из задних дверей открылась, оттуда выпрыгнул настоящий гигант – бугай ростом метра в два, в джинсах и белой майке-безрукавке. Длинные белые волосы падают по бокам на толстую, усеянную вздувшимися венами шею. Светлая борода подчёркивает выступающий подбородок. Глаза горят голубым льдом и сильно выделяются на загорелом лице. Ну и фигура, как у олимпийца. Хозяин дома, наблюдающий из окна, сразу узнал этого громилу. Алекс Кружилин, после известных событий заработавший себе особую татуировку и кликуху Топор...

Без подобострастия но очень резко гигант обошёл «Ниву» и открыл вторую заднюю дверь. Без особой спешки следующим наружу выбрался мужчина в обыкновеннейшей одежде: недорогая рубашка, недорогие брюки. Ботинки только и ремень выделяются, по ним видно, что стоят немало. А ещё заметно, что обувь начищена прежде, чем надета. С коротенькими, покрытыми ранней сединой волосами, с морщинками у глаз, мужчина этот выпрямился во весь рост и вдруг поймал взгляд толстяка, застывшего у окна.

Хозяин дома встрепенулся, с его губ сорвалась брань на самого себя за глупую медлительность. Чуть ли не подпры-

гивая на бегу, он пулей оказался у двери, распахнул её и торопливым, но красивым жестом пригласил гостей. Первым вошёл Алекс. Руки толстяку не протянул, сразу вышел на середину дома и огляделся, как заправский сторож. За ним, не торопясь, вошёл старший.

– Михаил Сергеевич... – хозяин дома протянул для рукопожатия сразу обе ладони, спина его подобострастно согнулась. – Проходите, прошу...

Михаил Сергеевич – а для некоторых Каштан – вошёл спокойно, не глядя по сторонам, но уперев в толстяка прямой, как шпага, взор.

– Здравствуй, Коля... – произнёс он, пока его ладонь, вместо пожатия, хлопала толстяка по плечу. – Как твоё здоровье?.. Ну что – пойдём, поговорим...

Тем временем из «Нивы» вылез ещё один атлетического сложения. Лысый, среднего возраста, в спортивном костюме. Подойдя к уличным воротам, он встал там с сигаретой в зубах. Хозяин дома не узнал его. Наверное, из новеньких...

Гости вошли в дом. Михаил Сергеевич скользнул взглядом по мебели и остановился на стульях у кухонного столика. С той смесью строгости и спокойствия, которая часто пугает трусливых, он обронил:

– Пойдём, посидим...

Алекс бойко шастал из комнаты в комнату, при этом умудрялся быть тихим, как тень. Проверил туалеты, кинозал, чулан. Заглянул на цокольный этаж.

– Михаил Сергеевич, – обратился он к патрону, ставя ногу на лестницу вверх. – Я пойду, верхние этажи проверю.

– Иди, Лёша, иди. – Каштан уже устраивался на стуле поудобнее и махнул ему ладонью. – Ты своё дело знаешь.

Алекс унёсся стрелой, а Николай Прошин, полковник МВД и хозяин дома, подошёл к кухонному столу и в нерешительности остановился. Михаил Сергеевич взглянул на него с вопросом и мотнул головой.

– Садись, чего встал? Или тебе что мешает?..

– Да я... – Николай небрежно отмахнулся, вроде как «нет, ничего»... Только при этом глаза его искали пятый угол.

Положа руки на лакированную столешницу, Михаил Сергеевич смерил взглядом тихонько, как мышка, присаживающегося возле него толстяка.

– Коль... а есть у тебя водичка попить?

Николай замер в полуприсяде, глаза его широко раскрылись.

– Попить? Может, вам из под крана водички налить? – он мотнул головой на кухонную раковину. – Она у меня фильтрованная, из местного ключа!

Михаил Сергеевич держал голос подчёркнуто спокойным.

– А есть минеральная?..

– Конечно! – Николай уже спешил к холодильнику. – Конечно есть!

Бутылочка минералки прыгнула из морозилки и бережно встала перед гостем. Михаил Сергеевич неторопливо отвер-

нул крышку и поднёс горлышко к губам, искоса стрельнул в Николая хитрым глазом. Тот уселся рядом и терпеливо ждал, когда гость напьётся.

– Хорошо, что вы сейчас приехали, – произнёс Николай, дождавшись момента. – Как раз лишних глаз поменьше. Да и вообще...

– Лишних глаз... – задумчиво повторил Михаил Сергеевич, глядя на толстяка. Брови его медленно и грозно сошлись над переносицей. – Лишних глаз мне, Коля, боятся нечего. А тебе уже поздно... Ну и наворотил же ты дел, поганец. Ты чего так лопухнулся, а?..

Сказано было с прохладой, но Николай почувствовал, будто ему ударили по лицу мокрой вонючей тряпкой.

– Взял с того, взял с сего... – продолжал Михаил Сергеевич, пронзая жертву острым, как жало, взглядом. – Со вторых взял, с третьих... Тебе было сказано, что с администрации брать нельзя? Было или не было?..

– Было... – Николай виновато кивнул, но вдруг выпалил, оправдываясь: – Но так это же кто говорил? Митя Барнаул! А Митя в Новосибирске турист – и всё!

– И всё... – Михали Сергеевич многозначительно кивнул, – и всё остальное, когда надобность имеется... Тебя, дурака, в дела наши кто посвятил? Кто?!.. Никто? Может, сам ты чего смыслишь?!

Последнее уже было криком! Каштан скалился и тарасил теперь глаза, как волк. Лицо его покраснело, на висках взду-

лись вены. Николай уронил взгляд, как побитая собака. Глядя в пол он пробубнил:

– Всегда так делали... Откуда мне было знать, что этих трогать нельзя?..

Каштан рывкнул, брызжа слюной:

– Всем было сказано! Да тебе вот, дураку, особые разъяснения требуются! Надо было по-хорошему тебя, а не помощника твоего в санаторий отправить!..

Словно опомнившись, Михаил Сергеевич выдохнул и будто бы даже стал меньше размером, как жаба, которая надувается при опасности. Продолжил он сухо.

– Скажи спасибо, что Толя твой валенком оказался. Если бы он хоть немного сотрудничал – ты бы уже червей кормил...

Глаза толстяка стали широкими, как блюдца. Он чуть ли не задохнулся от возбуждения, даже сделал попытку встать – но быстро одумался и сказал уже с тем самообладанием, на которое осмелился:

– Толя, может быть, и сотрудничал бы, да только вы, Михаил Сергеевич, после такого сотрудничества сами бы в тюрьму и сели!

– Ты чего несёшь?.. – брови Каштана взлетели на лоб. – Сдурел?!

– То есть, я хотел сказать... – Николай замялся, как двочник у доски, – он-то уж точно в наших делах участвовать ни за что бы не стал! Не такой был человек...

Михаил Сергеевич подозрительно прищурился, помолчал.

– Да... – не опуская взгляда он кивнул. – Не такой был... А ты откуда знаешь? Что, уже сообщили?..

– Сообщили, – Николай охотно кивнул. – В телевизор это, конечно, не попадёт, но все, кто должен знать, уже знают.

– Все, кому н а д о знать... – Михаил Сергеевич поднял указательный палец. – Кому н а д о знать, Коля...

Чтобы немного отвлечься, Каштан снова взял минералку и пробежался взглядом по кухне, мебели, домашнему кинозалу. Через окошко во дворе хорошо виден караулящий у ворот новенький. Алекс привёл его из своих знакомых, лично поручился. Надо этого спортивно-костюмного, кстати, как-нибудь в деле проверить...

Сделав пару глотков, Каштан задержал взгляд на новичке дольше, чем тот заслуживал... как вдруг его коснулась тревога. Какая-то волнующая, но неоформленная мысль... Какая? Понять он не смог, но заикнуться на ней не стал. Звучно шлёпнув ладонью по лакированной столешнице, он по-хозяйски произнёс:

– В общем, так, Коля! За тобой должок! И крупный! Я и так тебя высоко поставил. Ты сам бы так вряд ли взлетел... – Михаил Сергеевич обвиняюще ткнул пальцем в замершего собеседника. – Теперь вот приходится и говно за тобой убирать! Ты понимаешь меня, остолоп ты этакий?!

Плечи толстячка опустились, голова поникла. Взгляд его

искал что-то в ногах, ему было невыносимо тяжело посмотреть в глаза своего Хозяина. Именно так. После всего, что случилось, Каштан уже не будет «партнёром», даже в шутку. Будет только повелевать и указывать, а Коле останется только смотреть ему в рот и делать, как скажут. Иначе – смерть.

Михаил Сергеевич продолжил уже спокойнее:

– Всё, дальше живи, как жил. Мути свою водичку потихоньку... но впредь, – он приподнялся, навис над столом и ткнул Николая в грудь, – хоть за каким малым, каким угодно, даже жалким решением только ко мне. Понял?..

Николай подавленно кивнул. Он весь сжался, как сдутый шарик, а смотрелся и того ничтожнее. Михаил Сергеевич пару мгновений сверлил его тяжёлым взором, наконец, упёрся кулаками в стол и поднялся, неприятно морщась от боли в коленях. В последний год они что-то разнылись, спасают только мазь и приседания. Может, уже возраст?.. Уже повернувшись к выходу, он обронил:

– По делам всё обсудили. Если с руководством какие вопросы возникнут – опять же звони мне. Я решу.

Михаил Сергеевич бросил последний взгляд на Николая и уже сделал шаг к двери, как вдруг понял, какая мысль его обеспокоила! Подняв лицо к потолку он крикнул:

– Алекс?! Эй, Лёша! Где ты там?!

Николай тоже с удивлением оглянулся на лестницу, по которой гигант совсем недавно поднялся. Ему бы уже давно всё там наверху проверить и вернуться...

– Алекс! Ну где ты там возишься?! Алекс?!

Михаил Сергеевич переглянулся с хозяином дома, скулы его вздулись, послышался скрежет зубов. Не выдержав обжигающего взгляда Каштана, Николай отвёл глаза.

– Что за чертовщина?! – возмутился Михаил Сергеевич, глядя вверх. Обернувшись к окну, он крикнул: – Эй, там! А ну все в дом! Живо!

Через пару мгновений дверь распахнулась от удара ногой. С громким треском она ударилась ручкой о стену, оставив в ней вмятину. В дом забежал новенький в спортивке.

– Михаил Сергеевич?! – он уставился на шефа, как гончая на охотника. – Что случилось?!

– Вот сейчас это и выясним... – Каштан перевёл недружелюбный взгляд на Николая. – Ну-ка... – он сделал тому жест приблизиться. – Поди-ка сюда...

Хозяин дома испуганно сглотнул, но послушаться не посмел. Безропотно, как ребёнок по приказу взрослого, он подошёл. Каштан схватил его за руку и рывком прислонил спиной к себе – возле потной шеи толстяка сверкнуло бритвенно острое холодное лезвие.

– Да что это вы, Михаил Сергеевич! – лицо полковника стало белым, как бумага. – Да что вы такое обо мне думаете?!

– Заткнись! – Каштан прижал нож к его горлу плотнее. – Валера! Доставай игрушку и дуй наверх! Проверь, как там обстановка...

Сверкая потной лысиной, без лишних слов новенький

кивнул и полез за пазуху – в его руках появился «Макаров». В этот же время в дверном проёме возник водитель, тоже уже с «Макаровым» в руках.

– Стой там! – скомандовал ему Каштан и перевёл взгляд обратно на Валеру. – Ну, чего встал? Вперёд!

К удовольствию Михаила Сергеевича, «спортивщик» не раздумывая бросился к лестнице. Подняв пистолет, он быстро глянул наверх и отступил, облизал в миг пересохшие губы. Каштан, водитель и покрывшийся холодным потом толстяк следили за ним с напряжением футбольных фанатов на последней минуте матча.

Валера поглядел на главного, на застывшего в дверях напарника. Сделав глубокий вдох и напружинившись, он ринулся по лестнице, перескакивая сразу через две ступени. Наверху оказался коридор с открытыми дверьми, видна ванная комната, спальня. Сердце Валеры заколотилось, как пойманная в кулак птица. Всего один раз до этого ему приходилось учувствовать в подобном, и в тот раз впереди идущий первым же и схватил пулю.

Лестница уходит на третий этаж. Оттуда не слышно ни звука. Валера снова огляделся, стараясь не упустить ничего, что может стоить жизни. Глянул на открытые двери, на лестницу, снова на двери. Подбросил в уме монетку – и пошёл вверх по ступенькам.

– Не его ли ищешь? – спросил голос за спиной.

Валера испуганно обернулся, но только для того, чтобы

увидеть человека в чёрных форме и маске, одной рукой зажимающего Алексу рот, второй же держащего «ТТ» у его виска. Оружие в руке незнакомца дёрнулось – по ушам сада-нул зловещий грохот! Валеру шибануло в грудь, да так, что ноги его подкосились. Пистолет выпал из его ослабших пальцев и слетел по ступеням вниз.

«Макаров» прогрохотал аж до первого этажа. Николай почувствовал, как при выстреле и виде кувыркающегося по лестнице пистолета чужая рука надавила, лезвие упёрлось ему в шею и рассекло кожу, пустило кровь. Михаил Сергеевич напрягся, его руки стали деревянными и неподвижными, как коряги. Он задышал чаще, сердце его взволнованно забилось.

Валера нашёл себя на полу. Грудь жгёт страшной болью, невозможно сосредоточиться ни на чём, кроме неё! Забыв обо всем, кроме раны, он принялся тереть ушибленное место. Пальцы нащупали тёплую влагу, ветровка промокла и покраснела. Рядом прошаркали шаги. Валера вдруг сообразил, что он сейчас как раз в центре событий, поднял взгляд... Человек в чёрной маске взглянул в глаза бандиту, краткий миг смотрел, как в них отражается страх от упёршегося в его лоб ствола... и выстрелил.

Снова бахнуло! Михаил Сергеевич вздрогнул. Мёртвой хваткой сжимая заложника, он попятился к двери.

– Чего ты встал?! – заорал он на оцепеневшего водителя. – Вперёд! Прикрывай давай!

От крика тот дёрнулся, словно был глухой, но вдруг обрёл слух. Проявляя молодецкую прыть он метнулся к лестнице, правда, всего лишь чтобы замереть у её подножья с поднятым оружием. Придерживая вздрагивающего толстяка Каштан пятился. На мгновение он обернулся, чтобы не споткнуться... и тут же грохнул новый выстрел! Это водитель палил в массивное тело, несущееся на него с верха!

Алекс сосчитал головой все ступени, поймал плечом пулю и рухнул на водителя, заставив того распластаться на полу. Видя, на какую дурацкую уловку попался его человек, Каштан заорал, как ошпаренный:

– Идиот! Вставай! Соберись!

В страхе, что не успеет среагировать, водитель отпихнул безвольное, но тяжёлое тело, вскинул пистолет... Грохнул новый выстрел и во лбу нерасторопного возникло ровнёнькое круглое отверстие.

Николай впал в дикий ужас! С неведомой дотоле силой он разорвал хват и побежал! У дома есть чёрный ход, надо только проскользнуть, добраться, и тогда можно спастись, спрятаться у соседей! Николай бежал, не замечая, как из раны на горле струиться кровь. Он не видел и не слышал ничего по бокам – только перед собой, только умозрительный тоннель к ходу, который надо преодолеть.

Человек в чёрной форме скакнул на середину лестницы. Михаил Сергеевич замороженно смотрел, как он сиганул с высоты не менее двух метров на мебель, где легко можно

сломать шею, как перекатился и встал, ничуть не замедляясь. Незнакомец наставил ствол на улепётывающего толстяка и выстрелил – вспышка с грохотом и жертва свалилась, будто ей дали подножку. Опомнившись от шума, Каштан сосредоточился на спине напавшего и бросился, готовый возить в неё нож... Колено стегнуло болью и это замедлило, заставило стараться не упасть не бегу. Вторженец резко обернулся и прицелился от бедра – грохнуло! В штанине Михаила Сергеевича образовалась лишняя дырка.

– Ай! – крикнул он как-то по детски, как не кричал уже много лет.

Схватившись за рану, Каштан проковылял в сторону, не удержался и рухнул, опрокинув табуретку.

– Чтоб тебя волки грызли! – выплюнул он с зажмуренными от боли глазами, потом резко открыл их и выпучил на незнакомца с яростью, заставивший белки вздуться красными жилками. – Ты покойник!

С холодной, но всё же угадываемой злобой незнакомец ответил:

– Это ты покойник... Выбросил нож! Живо!

Михаил Сергеевич сообразил, что всё ещё держит рукоять выкидного. Глянув на пистолет, направленный ему в лоб, он нехотя откинул железку. Губы его при этом недовольно скривились.

Незнакомец попятился. Храня взгляд между стариком и пытающимся ползти на локтях толстяком напавший держал

оружие наготове.

– Лежать! – он подскочил к перепуганному хозяину дома и с размаху впечатал тому берцем по раненной ноге. – Ни с места!

– А-а-а-й! – Николай согнулся, как гусеница, Михаилу Сергеевичу на секунду даже стало его жалко. – Не убивай! – Толстяк перевернулся, его пухлые ладошки поднялись к вторженцу. – Что тебе нужно?! Что нужно, скажи?! Я всё отдам! Только не убивай!

Жалось Михаила Сергеевича улетучилась. Он тихонько покосился на холодеющее тело водителя с «Макаровым» в руках.

Незнакомец встал над поверженным, как охотник над убитым медведем. Пистолет в его руке глядел в пол.

– Да... – произнёс он хрипло. Прочистив горло, он добавил: – Да... Мне от тебя кое-что нужно...

Оскалившись, как бульдог, он замахнувшись и хлестнул Николая по щеке, да так, что на той остался алеющий след. Толстяк охнул, закрылся было руками, но в страхе убрал их, боясь разозлить мучителя. Незнакомец замахнулся по новой и рявкнул:

– Вставай! Ползи к дивану! Быстро!

Михаил Сергеевич кидал взгляд между вторженцем и «Макаровым», прикидывал, когда лучше кинутся и схватить оружие. Рана в ноге ноет как-то тупо, почти без боли, но только если не шевелиться: от любого движения вспыхивает,

словно в тебя пыряют раскалённым железом. В голову Каштана начала закрадываться жутковатая мысль, что над ситуацией он контроль потерял. Хотя, может кто-то из соседей вызвал полицию? Хорошо-бы...

Незнакомец дёрнул толстяка за шиворот и хозяин дома поддался, как тряпичная кукла. Его глаза вопили ужасом. Михаил Сергеевич с отвращением решил, что на помощь этого труса рассчитывать не стоит. Вторженец кивнул на Каштана и толстяку грубого пендала.

– Дуй к нему! Вы оба – быстро вон на тот диван!

– Вам, молодой человек, следует быть вежливее... – заметил Каштан с мрачным выражением. – Оставьте своё рычание и угрозы баранам. Лично я никуда двигаться не собираюсь, мне и здесь хорошо. – Тут он вызывающе поглядел вторженцу прямо в глаза и стоически добавил: – Выкладывайте лучше, зачем пришли!

Незнакомец покачал головой, сквозь маску послышался его приглушённый вздох. Выпрямившись до хруста в спине, он размял плечи и направился к перечасшему.

– Бить будешь? – осведомился Каштан с подчёркнутым спокойствием. – Ну бей! Но напугать не рассчитывай!

Незнакомец замер в одном шаге, его бритвенно острый взгляд прошёлся по лицу дерзкого авторитета, скользнул по его одежде, рукам, ногам. Каштан недобро нахмурился. Вдруг голову его двинуло, в глазах потемнело, показались звёздочки. В ушах зазвенела глухота. Михаил Сергеевич по-

нял, что его ударили, схватили за руку и теперь тащат – носки его дорогих ботинок волочатся по полу.

Незнакомец усадил обмякшего авторитета на диван, оглянулся и ожёг злым взглядом мокрого от пота хозяина дома.

– Чего остановился?! – с криком он подпрыгнул к бледному от ужаса Николаю. – Шевелись! Вперёд! Быстрее!

Подстёгиваемый пинками, Николай вскочил резвее белки и в секунду очутился рядом с Михаилом Сергеевичем. Лицо его от спешки стало причудливым сочетанием красного и белого. Вторженец оглядел их, замерших на диване, заострил взгляд на каждом – сумрачной, недоброй физиономии Каштана и его полной противоположности, трясущемся, чуть ли не роняющим слёзы толстяке. Недобрую тишину разрезал его жестокий голос:

– Ну вот мы встретились... Вы... И я.

Он потянулся левой рукой к шее – пальцы в перчатках зацепили краешек маски и резко сорвали её, обнажив молодое, усеянное недельной щетиной лицо. По загорелой коже катятся капельки пота. Правильной формы нос выглядит так, будто ни разу в жизни не знал драки. Ямочки под носом и на подбородке смотреться мужественно и в тоже время немного комично. Короткие русые волосы липнут от пота, а голубые глаза горят, как самоцветы.

– Ну?.. – парень бросил победный взгляд. – Узнаёте?!

Михаил Сергеевич вцепился в него взглядом, как коршун. Он смутно помнил, кого и как в последние годы обидел и

сейчас спешно тасовал лица в памяти. Николай же замер с отвисшей челюстью. На мгновение он забыл, как дышать.

– Это... – промямлил он, задыхаясь, – это же Краснов! Никита Краснов! – он повернулся к Каштану с выпученными, как бильярдные шары, глазами. – Это сын моего зама!

– Бывшего зама... – поправил парень и мрачно почесал оружейной мушкой щёку. – Человека, которого вы убили.

Михаил Сергеевич закрыл глаза – его ещё трепыхающийся гонор схлопотал убийственный удар. Посидев в молчании, он постарался очистить голову от лишних мыслей и взглянул на вторженца совсем другими глазами. Голос его прозвучал с мужественным спокойствием.

– Так значит ты поквитаться пришёл?.. За отца?..

– За отца, – не опуская глаз Никита кивнул. – Да, пришёл.

Николай тарачился то на Каштана, то на Никиту. Пухлый рот его оставался открытым, словно он хотел что-то сказать, да онемел язык. Михаил Сергеевич настроился на хладнокровие: никакого туза в рукаве у него нет, остаётся только принять реальность и наедятся на случай.

Никита нарушил повисшее молчание.

– Не знаю, что вы там сделали, да и знать не хочу... Мне всё равно! Украли что-то, кого-то убили... Плевать мне! Но вы убили моего отца... – кулак его взлетел к груди и сжался аж до треска. – Моего отца! Моего! Это был замечательный человек, лучший из всех! Настоящий офицер! И что вы с ним сделали?.. Вы его оклеветали! Заточили. Затравили...

Глядя парню в глаза Каштан сухо произнёс:

– Мы всего лишь сделали то, что нам было нужно. Мы бандиты, Никит. Душегубы. И деловые люди... У Коли – он кивнул на соседа – возникли проблемы. Он дурак, конечно, и вина его, но поскольку мы с ним в одной лодке, а кто-то всё-таки должен был оказаться крайним, то мы и выбрали его заместителя. Я так понимаю, твоего папу...

У Никиты зачастило дыхание, глаза широко раскрылись, ноздри заходили ходуном. Его пальцы стиснули рукоять пистолета, а на щеках заиграли желваки.

– Что сделали, то сделали, – продолжил Михаил Сергеевич косясь на Николая, уже готового упасть в обморок. – Дела наши такие. Но... прежде, чем ты убьёшь нас, я хочу, чтобы ты взял в расчёт две вещи.

Никита захотел резко возразить, но сжал губы и наклонил голову – какая-то мысль не дала грубо заткнуть врага, заинтересовала выслушать. Он небрежно бросил:

– Ну и...

– Ну и первое, – начал Каштан деловито. – Если ты нас убьёшь, то вся страна будет искать тебя, как опаснейшего преступника. Тебе нигде не будет спасения. Нигде. Клянусь! Труп полковника МВД, моя смерть... Некоторые, конечно, скажут тебе спасибо, но никто не подаст тебе руки. А вот таких, кто захочет сцапать – их будет много, очень много...

Никита пожал плечами. Лицо его не выразило растерянности. Михаил Сергеевич помолчал, давая собеседнику вре-

мя подумать на услышанным. Поняв, что пора, он продолжил:

– И второе. Если ты сейчас уйдёшь и тихо испаришься, то – я даю тебе слово! – никто не станет тебя искать и мстить. Ты уже убил несколько человек, их жизни тоже чего-то стоят. У них есть родственники, друзья – они захотят твоей крови. В свете случившегося мы могли бы посчитать это... размером.

Пламя в глазах Никиты немного угасло. Он опустил взгляд и сделал несколько чуть заметных кивков.

– В чём-то вы правы, Михаил Сергеевич... Я правильно к вам обращаюсь?

Стараясь держать лицо спокойным Каштан кивнул.

– Вы правы... – продолжил Никита туманно. – Вы всё грамотно рассудили и столь же грамотно обсказали. Да и я, скорее всего, сую сейчас голову в пасть льву...

– Ты погорячился, – Михаил Сергеевич смерил взглядом два бездыханных тела у лестницы. – Между прочим тот белокурый был моим главным помощником. Толковый был человек... А теперь мне придётся искать нового.

Николай, всё это время боявшийся и воздохнуть слишком громко, чуть ожил и даже несмело заулыбался, хотя пытался это скрыть. Понимая, что это ухмылки нервные, панические, он пытался удержаться, но у него не выходило.

– Вообще-то... – Никита снова почесал щёку мушкой, – белобрысый, скорее всего, жив...

Он перевёл взгляд на хозяина дома как раз в момент, когда тот натянул очередную нервную улыбочку. У Николая замерло сердце... но Никита никак не показал, что что-то заметил или разозлился.

– Я всего лишь врезал ему по затылку. Думаю, если он шею не сломал, то жить будет...

Михаил Сергеевич важно кивнул, изо всех душевных жил стараясь этим движением выразить, что всё хорошо, всё идёт к лучшему... но в то же время чутьё его почему-то вопило, что что-то совсем, совсем не так...

– Но вам не стоит переживать: замену искать всё равно бы не пришлось, – губы Никиты сжались в кривую мрачную дугу, пистолет поднялся и направился Каштану в голову. – Мёртвым слуги не нужны.

Выстрел! Николай вздрогнул! Рядом с ним уже заваливалось тело главного, в чьих глазах застыло дикое изумление. Ноздрей коснулся едкий запах пороха, свежайшего, только что сгоревшего.

– Нет! Не надо!– завизжал толстяк, прикрываясь ладонями. Любопытство всё же взяло верх и краем глаза он скользнул по онемелому лицу авторитета: во лбу у того чернеет дыра с пятьдесят копеек, а всё ещё розовые губы словно бы готовы что-то вымолвить, но молчат.

Подступая к трясущейся жертве Никита рявкнул:

– Надо! Надо, Коля! Надо! А что ты думал?! Что тебе всё сойдёт с рук?! Думал, что ты особенный?!

Толстяк мотал головой и скулил, закрывал лицо ладонями и плакал. Никита смотрел зло, всхлипываний не слушал, только его палец всё ласкал спусковой крючок, готовился к решающему нажатию. А кончать пора уже давно – время на исходе...

– Не убивай, прошу! – взмолился раскрасневшийся, вставший на колени толстяк, заливаясь крокодильими слезами. – У меня дети! У меня больная мать! Кто им поможет, если не я?! Забери всё! Не убивай!

Выстрел! Запястье Никиты привычно дрогнуло а из дула «ТТ» побежала тоненькая струйка дыма. Хозяин дома верещать перестал. Наступила тишина.

Никита огляделся, посчитал убитых. Только сейчас, когда всё почти кончено, он позволил себе немного расслабиться, глубоко и шумно вздохнул. Выпущенный пистолет грохнулся у его ботинок, пальцы в перчатках с силой растёрли лицо, взбугрили кожу на лбу. Никита выгнул спину, размял шею – позвонки приятно захрустели. Всё, теперь срочно уходить. Валить из города и области, куда глаза глядят. Но сначала...

В ход пошла припасённая бутылка с «девяносто пятым». Стрелой Никита метнулся наверх и прикрыл во всех комнатах окна. Пластиковая крышечка слетела с горлышка и на полу второго этажа образовалась пахучая дорожка, бегущая в спальню. Из кармана выпрыгнул коробок спичек, пальцы чиркнули огонёк – запылало!

Резво перебирая подошвами, Никита помчался на пер-

вый этаж... и замер на вершине лестницы. Сердце тревожно ёкнуло: беловолосый пропал! Опасливым взглядом Никита скользнул по видимой части комнаты, в мгновение его мозг представил поведение лихого человека в подобной ситуации. Либо он уже слинял, либо... Сделав пару глубоких вдохов, Никита сиганул – ноги взвыли от натуги и что есть мочи толкнули от стены, пол в зале полетел к голове...

...Грохнул выстрел! Никита кувыркнулся, но от неудачного переворота зашиб плечо. Сжав зубы, он схватил первое попавшееся под руку и метнул в стрелявшего – это оказался чей-то телефон. Услышав, как где-то там мобила была поймана и с хрустом разбита об пол, Никита огляделся и заметил «Макарова», пригласительно ждущего в руках трупа у лестницы. В его голове вспыхнул план.

– Сдаюсь! – Никита поднял руки. – Сдаюсь! Не стреляй!

В ответ гаркнул хриплый, брызжащий злобой голос.

– Поднимайся, урод! Руки на виду!

Никита медленно встал и повернулся к беловолосому гиганту, прячущемуся под лестницей. Лицо у того распухло, на скуле алеет ссадина. Левая рука в крови, в правой огрызнулся на прошлого хозяина родной «ТТ»... План Никиты мгновенно поменялся. Он крикнул как можно громче:

– Я сдаюсь! Не стреляй! Не стреляй, я хочу жить!..

– Хочешь жить?! – гигант состряпал издевательскую гримасу. – После того, что ты сделал!? – Не отводя прямого взгляда, он заматал головой. – Ну не-е-т, гнида... Нет!

Беловолосый шагнул вперёд, ствол «ТТ» остановился в метре от головы Никиты.

– Ты сдохнешь! – он злобно сплюнул, его глаза налились кровью. – Ты, блядь, убил Кутуза! Двоих моих пацанов убил! Даже не надейся уйти отсюда живым!

– погоди! – Никита взмолился, даже ладони соединил в мольбе. – Хочешь убить – убей! Но выполни мою просьбу! Последнюю просьбу! Прошу!

Громила недоумённо сдвинул брови.

– Чего ты несёшь?! Сдохни!

– Нет, погоди! Я поклялся когда-то, что умру с оружием в руках! – лицо Никита стало страдальческим. – Пускай сегодня, я не против! Я уже получил то, зачем пришёл! – Он кивнул на тела на диване. – Я отомстил! Просто кинь мне что-нибудь. Нож например. И стреляй!

Губы Алекса презрительно скривились, его взгляд бил по лицу русого парня, как наштипованная свинцом бита.

– Да ты чокнутый совсем ... – он покачал головой. – И как у тебя ума хватает? Или глупости?.. Но знаешь, мне это даже нравится. Почему бы и нет?!

Гигант мрачно улыбнулся, его голубые глаза скользнули по округе в поисках чего-то подходящего и наткнулись на нож на кухонном столе. Осторожно, не выпуская Никиту из вида, Алекс подошёл и взял «оружие».

Сверху докатилось потрескивание горячей древесины, ноздрей коснулся пока ещё слабый запах дыма. Никита не

шевелился, держал руки поднятыми и безропотно смотрел на подступающего палача.

– Вот! – Алекс бросил нож, железка пролетел пару метров и звякнула у ног приговорённого. – Поднимай и можешь помирать, как викинг... Но только сделай мне хоть одно лишнее движение!..

– Нет, нет! – Никита торопливо замахал руками. – Не буду, обещаю!

В единый миг поведение его изменилось: неспешно он поднял нож и встал в ветреной, прямо-таки вызывающе-расслабленной позе. Нож крепко сел в его левую ладонь. Рукоять на вес меньше лезвия и судя по кромке – заточка хорошая. Не самый худший клинок.

– Будут последние слова? – Алекс предвкушающе нацелился противнику в голову. – Ну? Какие ещё там у тебя ритуалы имеются?..

– Последние слова? – Никита задумчиво поднял глаза на своего будущего убийцу. – Думаю, у меня будет последний вопрос. Да, всего один.

Глаза гиганта загорелись жестокостью и любопытством. Он грубо рявкнул:

– И какой же?!

Никита смерил взглядом пистолет в руках гиганта, посмотрел тому в глаза и спросил:

– Как ты думаешь, сколько патронов в обойме у «ТТ»? Нашего, советского производства?

Во взгляде беловолосого мелькнуло колебание. Он поспешно нажал на спусковой крючок – боёк впустую щёлкнул.
– Восемь!

Никита замахнулся, его левая рука метнулась вперёд – блеснула размытая, словно брызг воды, сталь. Алекс охнул, выронил бесполезное оружие. Его пальцы сжались на торчащей из живота рукояти. Отшагнув, он чуть не свалился. Его здоровая рука попыталась найти опору, пальцы хватали в надежде за что-то зацепиться.

Никита следил, как гигант пытается держать равновесие... а потом пригнулся, рванул, подлетел и с яростным замахом провёл крюк! Кулак содрогнулся болью, кости чуть не поломало, словно ударил в бетон! Челюсть Алексу свело, его глаза закатились, а безвольное тело рухнуло под ноги победителя.

– Ай! – Никита вскрикнул совсем не мужественно, сжал немеющую кисть. – Чёрт! Железный же ты болван!..

Боль вспыхнула такая, что из глаз выступили слезы. Никита сжал зубы и зажмурился, разжал пальцы и потряс пятернёй, разгоняя кровь.

Треск наверху расшумелся, вниз по лестнице поплыл ядовитый белый дым. Пахнет горелым деревом и пластиком, можно даже учуять горящее мясо... В последний раз Никита потряхнул кисть и огляделся: комната в ужасной разрухе, повсюду следы борьбы и кровь. Пистолет он подбирать не стал, торопливо подошёл к двери и вышел на улицу, с наслажде-

нием вдыхая свежий, пускай и жаркий воздух.

Зелёные кованые створы всё ещё разведены и открывают улицу. Машины стоят брошенные, прямо с ключами в зажигании. Стараясь оставаться спокойным, Никита сглотнул и шагнул к «Ниве». Планировал уходить на «Мерсе», но «Нива» показалась сейчас более подходящей. Мотор взревел, Никита оглянулся и сдал назад. Ещё. С ворчанием машина выгрэбла на главную дорогу, сразу оказавшись под перекрёстными взглядами соседских окон. Никита глянул направо, налево, на щебёнку, бегущую к трассе. Кинул последний взгляд на дом – в верхних окнах уже пляшет огонь, скоро стёкла начнут плавиться и пламя выскочит наружу, как из коробка спичек, подождённого ребёнком.

С надрывным шуршанием пробуксовали колёса, «Нива» взревела и унеслась в облаке поднятой пыли.

Глава 2

Ночные гости

Солнце прячется за горизонт, загораются уличные фонари. Город тонет в тенях. Но вечерняя Самара бурлит, как суп на быстром огне. Люди заканчивают дела и наконец-то бегут по домам. Они покупают молоко и хлеб, проверяют уроки детей, готовятся к завтрашнему походу на работу. Они смотрят ток-шоу и новости, самозабвенно сёрфят в инете. Кто-то уже собирается спать. Животные тоже готовятся к ночи: птицы спрячутся под крыши, кошки и собаки шныряют в поисках тихой норы.

Но то обитатели города дневные, законопослушные. Вечер же открывает ход для личностей иного толка – тех, кто ищет приключений. В клубе ли, в подворотне ли, на лавочках у подъездов, в парках у фонтанов и на тёмных аллеях. Иногда приключение и искать не нужно – оно само тебя находит...

По улице Льва Толстого напротив дворца культуры припарковалась чёрная «двенадцатая». Двери машин раскрыты, из неё во всю гремит музыка. Возле с сигаретами в пальцах болтает о том о сём молодёжь. Одеты все в разное: кожаные куртки, спортивные и даже одно пальто. Разные лица, разные возраста: от пятнадцати миловидной девушке одного из парней до девятнадцати уже почти серьёзно выглядящему хо-

звину машины. Бьют по ушам басы, мелькает светомузыка. Зажимая в губах сигаретные фильтры, молодые передают по кругу двухлитровую пачку сока и опустошают банки энергетиков. Пятнадцатилетка потягивает коктейль.

Бежит, как борзый ручей, среди ребят разговор. Перемываются кости стариков, преподав и отсутствующих друзей. Компания весела и беззаботна, лишь у хозяина машины слегка потеют ладони. Он общается в полслова, слушает в пол-уха, постоянно коситься по сторонам и то и дело поглядывает на телефон, проверяя время. Вдруг он задерживает дыхание – из-за угла вышла фигура в условленной одежде: незнакомец лет двадцати, в жёлтой спортивке и кепке козырьком набок.

Хозяин машины выдыхает и принимает наигранно неприуждённую позу, делает вид, что слушает, о чём болтают остальные... а остальные уже заметили перемену. Их движения стали скованными, голоса притихли.

Незнакомец подходит ближе, и, хотя направляется он явно мимо, хозяин машины шагает ему навстречу и спрашивает:

– Извините... Закурить не найдётся?..

Незнакомец сбавляет шаг и глядит в глаза спросившему, на его виске чернеет татуировка китайского дракона.

– Конечно, дружище! – он дружески улыбается и лезет в карман. В его руках появляется пачка, из которой он вынимает сигарету и протягивает с пожеланием: – Угощайся!

Парень кивает и сигарету берёт, а незнакомец ловким, отработанным движением прячет пачку в карман и уходит.

Только сейчас хозяин машины заметил, что его юная команда замолкла и ждёт, переступая с ноги на ногу. Первым нарушил молчание Кирилл – юноша с чёрными, как у Пушкина, кудрями.

– Ну что, Жень?.. Это оно?..

Женя взвесил на ладони трубочку свёрнутой бумаги.

– Ага, оно... Кофеинчик...

– Поедем ко мне! – решительно махнула рукой Полина, девушка семнадцати лет, уже месяца два встречающаяся с Женей. – У меня родители уехали! В санаторий. Сегодня точно не вернуться!

Вся компания горячо поддержала и в минуту несчастная «Лада», приняв шесть человек, взревела и понеслась, лихо взвизгнув на старте шинами. Настроение полетело бодрое и яркое, как фейерверк. Все в предвкушении нового, не сходящего с языков у друзей ништяка... Правда опыта с этой дурью ещё ни у кого нет, но всё же когда-то случается в первые?..

– Сколько отдали? – поинтересовалась Полина, сидя на переднем пассажирском, справа от Жени. – Много?

– Интересный вопрос! – Женя вырулил на перекрёстке. – Я семёрку дал, Кирилл с Антохой по трёшке скинулись.

– Одуреть! – вырвалось у самой младшей, Анфисы. Она уселась сзади на коленях у Кирилла и всё ещё потягивает

коктейль.

– Да мы так, просто попробовать... – вставил Антон, тоже сидящий возле Кирилла со своей девушкой на коленях – вечной молчуньей Мариной. – Ну дорого, конечно, но за то я про эту химию такое слышал! В космос улетим!

– Ага! Славка со второго курса рассказывал... – ловко удерживая баранку Женя оглянулся на друга. – Божился, что лучше любой травы прёт, да и ядов никаких. И отходняк, сказал, минимальный. Нормальная тема! И не спалит никто – вот что мне в рассказе его больше всего понравилось...

«Лада» вырулила на улицу Скляренко, где уже через минуту показался дом инициаторши вечеринки. Женя тут часто бывал а потому быстро нашёл, где припарковаться. Ребята высыпались из машины, как спички из коробка и шустро последовали за Полиной. Девушка шла и то и дело оглядывалась, не смотрит ли кто... Но на лавочках никого, а если кто в окно и наблюдает, то родителям при случае найдётся, что соврать...

По дороге компания расшумелась, посыпались шуточки. Полине пришлось недовольно цыкать. Соседка вот из этой квартиры уж больно ушастая... А вот и родная дверь! Полина отпёрла её и вошла, сразу проходя вперёд, чтобы остальным было, где скинуть обувь.

– Эй, ребят, не свинячьте! Тут всё-таки убираются! – потребовал Женя сердито, когда Кирилл прошёл мимо коврика сразу на паркет. – Между прочим Полина полы моет!

– Да ладно, всё в порядке! – пропел её весёлый голос откуда-то с кухни. – Я потом уберусь!

Компания зашла и разделась. Ребята с хохмами разбрелись по квартире. Будучи здесь впервые они принялись с интересом разглядывать окружение: побывать в четырёхкомнатной «берлоге» директора предприятия, на котором работает четверть города и в том числе их родители – не каждый день такое случается. Всё по богатому, ко многим вещам руки так и тянутся потрогать, пощупать, посмотреть поближе...

– Так, ну что? – Женя остановился в главном зале с двумя диванами и широченным телевизором и взглядом пересчитал людей. – Давайте, что ли, пока присаживайтесь. Столик вон приготовьте, а я сейчас всё справлю...

– Полин, а тут курить можно? – спросила Марина, девушка Антона, выглядящая младше его, но на самом деле на год старше.

– На балкон выходи!

– Ой, а я с тобой! – Анфиса помахала Марине ладошкой. – У тебя какие? У меня закончились...

Время потекло неспешно и сладко, как мёд. Включили телевизор, в одной из комнат оказался старенький музыкальный центр. Антон попробовал с ним поиграться, но пришлось перестать под давлением Полины. Женя на кухне приготовил стаканы и двухлитровую бутылку «Пепси», специально купленную для намеченного дела.

Вернулись покурившие Анфиса с Мариной, расселись по диванам Кирилл с Антоном. Тихонько, как мышка, вышла из туалета Полина... Держа поднос с «Пепси» и стаканами, в зал вошёл Женя. У ребят загорелись глаза и отвисли челюсти. Они уставились на поднос с готовящимся кайфом, как не уставились бы и на олимпийский огонь.

– Вот что... – Женя поставил посуду. – Сегодня мы только попробуем, ясно? Так, чуть-чуть, как говориться, нюхнём...

– Да не ссы! – Антон шумно хлопнул в ладоши и растёр в томном предвкушении. – В крайнем случае скорую вызовем. Скажем, рыбой отравились.

– Ты чего несёшь?! – Полина испуганно вылупила глаза. – Если суда скорая приедет – мне кирдык придёт!

– Ну шутит он! Шутит. – Кирилл брезгливо махнул на друга ладонью. – Да и в самом деле не мочите ляжки, всё будет ровно! Мы же не нарики какие... Мы так, чисто оттянемся. Культурно.

Ребята загалдели невпопад, посыпались острые шутки, расцвели улыбки. Женя сосредоточенно достал из кармана сигарету и развернул – внутри сверкнула фольга, в которую заворачивают шоколад. Бережно отогнув краешек, он положил свёрточек рядом с бутылкой и отвернул крышку.

– Так... – буркнул он настороженно, – Славка говорил, надо высыпать в газировку и взболтать... Мы на шестерых заказывали, так что...

Действуя с осторожностью ювелира, он высыпал содержи-

мое в горлышко – коричневый порошок сразу перемешался с «Пепси», зашипел. Незнакомый запах ударил по ноздрям. Взбучилась, как нефть в скважине, чёрная пена. Женя тут же приготовил крышку на случай, если пойдёт столбом. К его облегчению обошлось.

– Слушайте, ребят... – Анфису заворожило бурление в бутылке. – А это точно то... ну, вы понимаете... то самое? Может, это сода?..

– Славка не болтун, пацан проверенный, – Женя тоже не отрывал глаз от бурного кипения. – Да и взяли мы у того же самого человека по его же собственной наводке. Думаю, обойдётся без кидков...

Сосредоточившись и став глухим к болтовне друзей, Женя подождал, пока пена усядет, взял бутылку и аккуратно взболтал вкруговую. Содержимое булькает, брызгает и выглядит уже настоящим варевом из котла ведьмы!

– Ну... – Женя сделал глубокий вздох и поднёс горлышко к стакану. – Поехали!

Пачкаясь потёками тёмной пены, большие хрустальные стаканы заполнились до краёв. Женя разлил почти всё, стараясь каждому выделить одинаково. На донышке бутылки осталось совсем чуть-чуть.

Ребята взяли бокалы, вытянули руки и с ожиданием взглянули друг на друга.

– За нас! – произнёс Антон и, коснувшись хрусталём общей кучи, припал губами к кромке.

Ребята кто кивнул, кто поддержал словом. Уже через мгновение у всех скакали кадыки. Женя глотал шипучку, косясь на остальных, особенно на Полину. Марина с Анфисой пили с закрытыми глазами.

– Всё! – Антон стукнул стаканом об стол и прикрылся, сдерживая отрыжку. – Давайте теперь что-нибудь посмотрим!

– Кстати, там выход к вай-фаю есть, – Полина взглянула на показывающий новости телевизор. – Вот, возьми пульт. Сумеешь разобраться?

Антон принялся разглядывать кнопки на «лентяйке».

– Да уж как-нибудь...

– Дай сюда! – допивший своё Кирилл отобрал у друга пульт и направил на приставку. – У меня дома похожий стоит. Сейчас я что-нибудь бодрое включу!

И включил – канал с музыкальными клипами, один из платных. Заиграла жгучая музыка, заплясали на экране фигуристые девки. Одна, поющая, выглядит скромнее остальных, да и двигается пристойнее, зато разрисована похлеще попугая какаду.

Вечеринка стала набирать обороты. Ребята расселись по парам. Снова шуточки, разговорчики о том о сём. Обсуждение чьей-то новой машины, чьих-то родителей. Женя с Полиной в один прекрасный момент начали целоваться и забыли остановиться.

И тут ПОШЛО.

Все заметили! Все ощутили! Глаза ребят ошарашенно раскрылись, они взволнованно запыхтели и уставились друг на друга, словно начался пожар. На всех напало чувство, что в жилах течёт не кровь, а расплавленное золото! Тело наливаётся мощью, усталости не существует. Мысль обостряется и ты чувствуешь себя сверхчеловеком. Гением! Бесконечно сильным, умным и живым.

– Ого! – выдавил Антон сквозь отдышку. – Ого-го-го!!! Вы чувствуете?! Вы это чувствуете?!

– Я богиня... – Марина с удивлением взглянула на свои руки, словно видит их в первые. – Я сверхсущество! О боже, как я прекрасна!

– Кажется, я могу летать... – Анфиса прыгнула с дивана и уставилась потрясённо на остальных. – Я могу летать!!!

Взорвалась кутерьма. Молодые ощутили первобытную раскрепощённость, градус веселья устремился к точке кипения. Мир заиграл красками, как полотно безумного художника. Анфиса принялась носиться по комнате и прыгать, Кирилл смотрел на неё с дивана, словно Зевс с золотого трона. Марина разделась донага и встала возле большого зеркала в прихожей – то боком повернётся, то встанет спиной и выпятит грудь с попой.

– Совершенство, – то и дело срывается с её губ. – Абсолютное совершенство!

Антон сидел столбом, молча глядел на друзей, но вдруг резко встал и вышел в подъезд, даже не подумав запереть

дверь или хотя бы обуться. Женя и Полина, видя сейчас только друг друга, начали рвать друг на друге одежды и раскидывать эти рваные лоскуты по углам зальной комнаты.

Александр глубоко затынулся и щёлкнул бычок под чужие колёса. Народу сегодня набежала целая орда: человек сто, не меньше! Большая часть притащилась просто поглазеть на уличные гонки, но какая-то пришла специально ради ралли между ним и Славой Баяном – старого спора, должного быть решённым этим вечером. Но вот что-то второй участник соревнования задерживается...

Вокруг Александра треплют языками друзья, время от времени он потягивает пиво и отвечал на вопросы, тоже болтает ни о чём, иногда здороваются со знакомыми, иногда уходит отлить. Ждать приходится уже больше часа.

– Слушай, надо всегда здесь собираться! – Коля, старый школьный приятель, встал по правую руку друга-гонщика. – В городе-то особо не погоняешь. Здесь вон и места полно, и дорогу новую положили!

– А то! – поддакнул Артём, ещё один знакомец Сани, уже по армии. – Раньше в Сызрань нужно было часа три пилить, а теперь и за полтора легко! У меня дядя водилой вкалывает, хлеб развозит...

Народ шумит, громко переговаривается. Гомонит хор разных голосов. Толпа встала широким кругом, в нём друг напротив друга дрейфуют всеобщие знакомцы Кит и Кузя – любимчики толпы и завсегдатые всех тус. Выделяются они

по полной, каждый мастерски крутит руль и заставляет дымиться покрышки. Визжит резина, визжит публика. Бамперы режут по кругу у самых зрительских коленок.

– Что-то Слава задерживается... – пробасил Пётр, друг дальнего друга Александра, которого тот за полгода общения так толком и не узнал, а иногда мог и имя забыть. – Договаривались же, что он вообще первым приедет...

– Ого! – Коля толкнул приятеля в бок. – Накаркал, Петя! Только чёрта помяни!

Послышался грозный рык моторов. В толпу, то и дело взнуздывая двигатели, въехали два красавца – чёрный громадный внедорожник с самыми широкими, которые только можно купить в Самаре, дисками и красная, сверкающая редкой светоотражающей краской «Мицубиши» – настоящая дискотека на колёсах!

– Явился не запылится! – закричал Коля во всё горло и толпа ликующе завизжала. – Ну что?! Мы увидим сегодня крутой заезд?!

Дверь внедорожника открылась и наружу выпорхнул тощий, как турниковая перекладина, долговязый парень в футболке, разукрашенной под русский триколор. Его приветствовали, жали руку, по-братски обнимали. «Мицубиши» встала поодаль, гомонящий люд в мгновение облепил её, словно фанаты, рвущиеся до кумира. Дверь машины поднялась, как у «Ламборджини», и на суд публики вышел пухленький розовощёкий парень. Ростом на голову ниже сред-

него но с выпученной, как у героев голливудских боевиков, грудью и таким же выражением лица. Набрал побольше воздуха в грудь он заголосил:

– Здорова, народ! Девчонкам моё особое почтение!

Толпа возликовала. Постороннему может даже показаться, что гостя вот-вот понесут на руках! Славу иной раз и в самом деле могут – он для всех особенный, каждому свой.

Александр выждал, пока накал немного спадёт. С гордо поднятой головой он двинулся к сопернику.

– Ну что, Слава?.. – спросил он с позёрским спокойствием. – Приехал пыли из под моих колёс поглотать?..

– О-о-й! – Баян развёл руками, будто пытаясь обхватить небо. – Это ты на своём ведре меня уделать собираешься?!

Несколько долгих секунд они глядели друг на друга, наконец Александр не выдержал – губы его дрогнули и растянулись широкой белозубой улыбкой.

– Здорова, Баян! – он подступил и заключил тоже уже улыбающегося друга в объятия. – Ты чего народ тухнуть заставляешь?!

– Да по дороге стопорнули... – Слава сжал приятеля ещё крепче и кивнул на подходящего Женю Тут-как-тут, хозяина внедорожника. – У Жени задние огни не горят, пришлось вот задержаться на разговор с одними...

Долговязый поздоровался со всеми по очереди, с каждым проделав какой-то особенный приветственный жест. Кроссовки на нём так и блестят чистотой – ни пылинки, ни пес-

чинки. Руки ухоженные, ногти вычищенные, словно он только что от маникюрщицы – ногти, никогда не знавшие ни грязи, ни машинной смазки.

– Да, ребят, звиняйте! – он протянул ладонь Александру. – Вцепились в меня менты конкретно, хотели купонов состричь. Уже думал бате звонить, но, кажись, они почуяли неладное и сами слились.

Толпа сгущается. В предвкушении главного заезда люди подтягиваются всё ближе. Вот уже выкрикивают разное, кидают призывы. Все ждут веселья. Все знают, что скоро начнётся нечто, стать свидетелем чего не просто, но это одно из немногих настоящих удовольствий в мире!

– А-а-й, ладно! – Слава махнул рукой и обвёл окружающих азартным взглядом. – Ну что?! Вы готовы посмотреть, как я разделаю эту мокрую курицу?!

Он насмешливо кивнул на Александра, лицо которого выразило целый вагон сомнений.

– Пфф! – тот отмахнулся. – Хвастун! Пустомеля... Когда я тебя обгоню, ты поцелуешь мою малышку в выхлопную трубу!

Толпа восторженно заулюлюкала.

– О-о-о-о-о-о!!!

– Тогда, если выиграю я... – Баян задумчиво наклонил голову, – ты... съешь свои грязные носки!

Толпа взорвалась гомоном, от которого заболели уши. Вне зависимости от того, кто победит, вечер обещает стать

ну просто исключительным!

Между друзьями втиснулся Коля, его выпученные глаза пронзили одного, второго. Надрывая глотку он закричал:

– Все всё слышали?! Все это слышали?!

Толпа ответила:

– Да!

– Да, слышали!

Гомон поднялся, как на стадионе во время финального матча кубка мира.

– Тогда... – Кирилл широко взмахнул рукой. – По машинам!!!

Толпа радостно взревела и принялась освобождать дорогу, хотя всё ещё хлопают ладоши, гремят уханья. Несколько парней сложили пальцы и свистят, нагоняя какофонию.

Александр натянул уголки губ, его взгляд стал насмешливым и победным. Уже шагая к своей машине он кинул через плечо:

– Удачи тебе, Баян... Она тебе понадобится!

– Конечно понадобится! – откричался Слава насмешливо. – Чтобы не встречаться потом с тобой и не видеть твоего жалкого взгляда!

Под громоподобный гомон соперники разошлись, сопровождаемые приятелями – Баян с Женей, Александр с Кириллом и Артёмом.

– Ну всё, сейчас начнётся! – воскликнул Кирилл увлечённо, когда они отошли. – Саня! Ох, Саня... Сегодня ты дол-

жен выложиться по полной, чтобы победить!

Находясь под перекрёстными взглядами, Александр решительно кивнул, поднял ладонь и с хрустом сжал её в кулак.

– Я выиграю! Не сомневайтесь!

Друзья стали хлопать его по плечам. Артём подошёл и крепко обнял.

– Давай, Саня! Уделай этого наглого везунчика, а то он меня уже конкретно достал!

Александр сжал друга так, что у того чуть рёбра не треснули, потом резко отстранился, вздохнул... и устремился к машине.

Разукрашенная в пылающие черепа его «десятка» ждёт хозяина. Толпа расступилась, освободила выезд к старту. Щёлкнул замок, дверь распахнулась. Александр сел за руль и сразу повернул ключ в зажигании.

Скрывшись за тонированными стёклами он наконец-то остался один, без лишних глаз. Чёрт, как же долго пришлось ждать!.. По нажатию кнопки открылся бардачок – внутри томится заветная бутылочка минералки. Покрытая изнутри пузырьками газа, она валяется среди всякого хлама... но именно она станет залогом сегодняшней победы!

Александр схватил её и быстро свинтил крышку. Щелчка не произошло, ведь он уже снимал её несколько часов назад, когда добавлял «допинг». Дилер сказал, что одного грамма на триста миллилитров более чем достаточно. «А когда будешь пить – не забудь добавить сахара!» Что гонщик и сде-

лал. Бутылка опустела в несколько спешных глотков. Отбросив сдутую тару, Александр вынул из кармана припасённую конфету. Сладкая до приторности, сейчас она годится как нельзя лучше. Фантик был аккуратно скомкан и спрятан в карман.

Всё, готово... Теперь осталось самое главное – победить!

Часы показали за полночь. Луна сияет насыщенная, полная. Она освещает землю, словно ночное солнце. Люди шутят, смеются, обсуждают предстоящую гонку. Народ сходится в две полосы по обочинам начиная от самой стартовой черты. В воздухе витает азартное ожидание.

К неидеальной белой линии подъехала искрящая «Мицубиши». Баян высунул локоть, вторую руку небрежно кинул на руль, всем видом демонстрируя уверенность. В окно к нему нагнулся Женя и стал о чём-то шептать, то и дело тыкая пальцем на трассу. Иногда Слава кивал, но всё больше поглядывал в зеркало.

Гомон усилился – вторая машина выкатила к стартовой черте! Ухмыляющиеся черепа горят в адском пламени, на людей злобно таращатся пустые глазницы.

– Скоро-скоро-скоро! – махая рукой, Кирилл выбежал на старт и остановился между соперниками. – Скоро-скоро! Сейчас начнётся гонка!!!

Толпа взорвалась криками и свистом, люди вскинули руки и замахали невесть откуда взятыми светящимися в темноте флажками.

Сжигаемый любопытством, Александр опустил стекло. Оказывается, Слава терпеливо ждал, когда сможет встретиться взглядами с соперником, а когда это произошло, улыбнулся до ушей.

– Тебе ничего не светит! – заявил он и назидательно помахал пальчиком. – Смирись, Саня. Ты проиграешь!

Во взгляде старого соперника что-то мелькнуло – или показалось?.. Баян не стал задумываться и поднял стекло, а Александр хитро улыбнулся – он уже почувствовал перемены. Изменения в мышлении, изменения в теле. Он уже ощутил, как мышцы вздуваются силой, как дух становится твёрже кремня, уже не помещается теле – он внутри и вокруг, чувствует и понимает намного больше, чем дано простому человеку. И Александр почувствовал, о да! Он больше не человек. Он стал машиной!..

Кирилл убежал и из толпы вышла длинноногая, в короткой джинсовой юбке и мало что скрывающем топике девушка. В её руках мелькнул факел – секунда – и он загорелся, как тысяча подождённых бенгальских огней. Встав между соперниками, девушка глянула на одного, на второго, высоко вскинула факел... Толпа заголосила истошнее! Люди напрягли глотки на пределе сил!

Баян крепче сжал руль и нервно сглотнул – сейчас можно, уже никто не увидит. Александр застыл, как боёк на курке. Все следят лишь за одним движением...

Девушка вскинула факел ещё чуть выше – и с криком

«Старт!» прочертила в воздухе огненную дугу! Моторы взревели, шины завизжали! Поднялся дикий визг и дым с запахом жжёной резины. Гонка началась!

Дневной город засыпает, просыпался ночной. Уходят дневные люди, приходят ночные. Гоняют ночные машины, светит ночное светило. Даже в воздухе витает запах ночи, если ты чувствительный к такому человек.

Парень лет двадцати, в жёлтой спортивке, кепке набок и татуировкой китайского дракона на виске идёт по городу с видом скучающей беззаботности. Кто-то скажет, что он беспечен и никуда не торопится, однако знающий глаз сразу приметит, что этот прохожий постоянно озирается: то обернётся, то кинет взгляд по сторонам, оценит встречного, посмотрит на его руки, обратит внимание на проезжающую машину. Он не зайдёт в переулок с незнакомцем, не завернёт за угол, не посмотрев с расстояния, не стоит ли там кто.

Парень режет Самару от точки до точки. Начал с заброшенного киоска в парке, где «нашёл» особую пачку сигарет. Вызвал такси и добрался до перекрёстка Ленинской и Льва Толстого, там отдал заказ клиенту. Перекусил в чебуречной, где от запаха жаренного лука чуть не заслезились глаза, оттуда двинул в клуб на Московском шоссе. Выпил кофе. Отнёс заказ. Ещё кофе. Ещё заказ... Где-то в половине первого в пачке остались лишь простые сигареты. Парень поглядел на часы – с каждым разом он задерживается всё дольше, с каждой ночью прибавляется новых клиентов. Вызвав очередное

такси, он смял пачку прямо с содержимым, выбросил в урну и поехал на квартиру.

– Командир, притормози-ка здесь! – настоял он, когда машина проехала через перекрёсток Пензенской и Владимирской. – Встань вон там, у ларька.

Водитель кивнул и услужливо встал возле будочки, днём торгующей хлебом. Расплатившись, парень устремился к ближайшему дому. С каждым шагом он двигался всё бодрее – пока ехал, после много выпитого кофе жутко захотелось в туалет, а гуляющих поблизости как назло многовато. Даже пара с детской коляской на углу в такую темень что-то забыла! Последние метры до подъезда парень уже бежал, чуть ли не зажимая мошонку!

Стальная подъездная дверь отворилась его рукой, как картонная, ноги молнией занесли на первый этаж. Удерживаемый вспотевшими пальцами, к дверному замку устремился ключ...

Сеня – здоровенный мужик тридцати лет с фигурой, как у быка и широким, как люк на подводной лодке, лицом поставил рюмку на стол. Пухлые пальцы схватили кругляш колбаски и сначала прижали к носу – послышалось шумное сопение – а за тем отправили мимо масляных губ в рот.

– Кажись, Паша пришёл... – буркнул он, не оборачиваясь.
– Пойду, открою ему, – решил Гарик, загорелый парень с миниатюрной чёрной бородкой и карими лисьими глазами. –

Стёпа, когда за сигаретами ходил, дверь, наверное, на защёлку закрыл.

Сеня отрешённо кивнул, его взгляд уже бродил по тарелке с сыром.

Гарик вышел с кухни и двинулся к входной двери, откуда уже бьёт яростная дробь.

– Да сейчас, сейчас! – крикнул он, вытаскивая защёлку. – Чего так ломиться?!

Дверь распахнулась нечеловечески быстро – Гарик еле успел увернуться! На пороге возник Паша с выпученными, как у жабы, глазами.

– Быстрее! – выпалил он, ломясь в коридор. – Чёрт возьми! Быстрее!!!

Как был в ботинках, он скакнул в туалет и с шумом там закрылся. Через мгновение послышался звук льющейся струйки и громкий вздох облегчения. Гарик от всей души засмеялся и закрыл входную дверь. Снова на защёлку, так как все СВОИ теперь уже точно дома.

– Что, кустиков по дороге не нашлось? – схохмил он, проходя мимо туалета. – Или за тобой гнался кто?..

Из кухни вышел Сеня и подождал, пока несчастный выглянет наружу. Послышался звук смываемой воды. Дверь открылась и перед приятелями встал Павел с лицом благостным, как у пречистого ангела.

– Ну, как прошло?.. – Сеня опёрся плечом о стену. – Всё нормально?..

Павел глубоко вздохнул и глянул на патрона со смесью торжественности и в тоже время усталости.

– Всё идёт как по маслу, – он вздохнул снова. – Ох, еле добежал... В общем: по точкам прошёлся, всех обскакал, всем всё раздал. За нами никаких косяков. Дело сделано, БОСС!..

Последнее слово он выделил театральным взмахом кисти. Сеня самую малость кивнул и перевёл взгляд на Гарика.

– А ты говорил, что стоит ждать проблем. Вот видишь – я был прав!

– Сеня, ну какой же дурак будет с тобой спорить?.. – Гарик пожал плечами и хитро улыбнулся. – Но ты сам подумай – как долго будет продолжаться, что наши обороты будут расти, а *верхние* не будут нас замечать?..

– Долго! – ответил Сеня без раздумья. – Так долго, как мы сможем торговать, используя лишь соцсети.

– Ну, хозяин барин! – Гарик поднял примирительно ладони. – Но я не уверен, что ОНИ не делают тог же самого. В конце концов они же тоже как-то торгуют...

Пока патрон болтал с Гариком, Паша разделся, и вся компания отправилась в зал. Квартира, которую они сняли, представляет из себя четырёхкомнатное помещение с тремя спальнями и большой, прямо таки по музейному огромной центральной комнатой, куда завезли мебель, поставили второй холодильник и повесили на стену широченный телевизор. У последнего, сидя на полу на подушках, сейчас бодро режутся в PS двое. Один с короткими чёрными волосами,

двадцати с небольшим лет, худощавый парень в свитере. На его азиатском лице тонкие с чёрной дужкой очки отсвечивают картинку с плазменного экрана. Второй тоже лет двадцати, со светлыми волосами и прыщавым прямоугольным лицом с крупной, прямо таки лошадиной челюстью. На немного обрюзгшем с животиком теле протёртые синие джинсы и майка какой-то старой рок-группы.

– Здорова, бойцы! – поприветствовал Паша, заходя в зал. – Чё, Стёп, опять японца вздрючить пытаешься?

На экране в это время один ниндзя с красными демоническими глазами рассёк катаной второго, с синими. Красный явно выиграл.

– Твою!.. – парень в рок-майке всплеснул руками и чуть не запульнул джойстик в стену. – Я же почти победил! Паша, вот тебе всегда обязательно под руку встревать?!

Качаясь на подушке азиат сдержанно засмеялся. Он оглянулся на Пашу, его тонкая ладонь поднялась в знак приветствия.

– Салют! – Паша тоже вскинул ладонь и снова поглядел на Стёпу. – Стёпа, ты скажи лучше японцу, что обыгрывать детей и умственно отсталых нехорошо.

– Пошёл ты!

Сеня и Гарик расселись по диванам. Сеня не любит, когда при нём занимают телевизор, все это знают, а потому Стёпа, как патрон окончательно уселся, тихо сказал японцу несколько слов по-английски, тот кивнул и PS они быстрень-

ко выключили.

– Ну что, как прогулка? – Стёпа сложил джойстики в специальную коробочку. – Удачно?

– Да не плохо... – Паша приземлился рядом с Гариком. – Пару раз мне показалось, что за мной тащится хвост, но, наверное, это уже я мнительным становлюсь, паранойя крышу подпиливает...

– Пару раз показалось, что был хвост? – Сеня прищурился. – А мне ты такого не сказал...

– Ну, я же говорю – показалось... Мало ли чего в голову придёт, когда на улице барыжишь?.. – Паша пожал плечами и выгнул скептически губы. – В каждом встречном видишь подставу... Я само собой посматриваю по сторонам, но стараюсь слишком сильно не параноить.

Сеня поймал многозначительный взгляд Гарика. Устраиваясь на диване поудобнее, главарь распорядился:

– Ладно, сегодня отдыхаем. О всяких паранойях завтра поговорим. Давай, Стёпа, тащи на стол всё, что мы набрали. А ты, Гарик, вызовешь попозже девочек, когда до кондиции дойдём. Расслабляться, пацаны, будем.

– О! Это мы с радостью! – Стёпа подскочил бодрый, как зайчик. – Сейчас всё организуем!

Гарик тоже встал и отправился вслед за ним на кухню, откуда через минуту пришёл с бутылками коньяка.

– Давай мне вон ту, – Сеня потянулся и ухватил початую бутылку. – Вот этот коньячина, мне кажется, толк имеет!

Гарик поставил бутылки рядом со столом и ушёл опять.

– Я, Сеня, посижу малость, – Паша проводил Гарика взглядом. – Я так уже находился, что вставать сейчас нет никакого желания...

– Да отдыхай, отдыхай... – Сеня небрежно отмахнулся. – Тебе всё равно завтра ещё к девяти идти квитанции оплачивать.

– Чего?! – Паша вылупился на патрона с негодованием. – Это уже третий раз будет! Да ещё и в такую рань!

Сеня рассудил с прежним спокойствием:

– Ничего, ноги не отвалятся. Нам завтра в обед аренду отдавать, так что к двенадцати все квитанции должны быть готовы. Точка.

Паша снова открыл рот но Сеня так посмотрел на него, что тот тут же умолк, скрестил руки на груди и, всем видом демонстрируя недовольство, отвернулся.

– А вот и гвоздь программы! – с весёлой улыбкой в комнату заплыл Стёпа. В его руках красуется поднос с блестящими печёной корочкой птичьими тушками. – Самые толстые, что только удалось найти!

– Давай-давай, – Сеня потянулся к подносу и помог поставить на стол. – Закуску тоже не забудь! Я там килограммов пять накупил. Тащи всё!

За Стёпой зашёл Гарик как раз таки с подносом закусок, где в равных долях морепродукты, сыры и колбасы кокетничают со всякой зеленью. Спустя минут десять стол уже ло-

мился от вкусовностей и счастливая компания собралась во-
круг с поднятыми рюмки.

– Ну что, ребята, я могу вам сказать... – Сеня оглядел парней. – Кстати, ты, Стёпа, японцу-то мои слова переводи, чтобы он в дурака не играл.

Стёпа тут же сказал несколько слов по-английски сидяще-
му рядом азиату и снова устался на патрона.

– Что я могу сказать? – начал Сеня ещё раз. – Жизнь наша хорошая штука! А мы стоим сейчас на пороге лучшей жизни. Лучшей, уверяю вас, пацаны. Вот он, – Сеня указал на азиата, и все тоже взглянули на него, – парень с мозгами. Уж не знаю, чего он уехал из Японии своей, но если рассказывать не хочет, то и ладно. Главное, что у него золотые руки!

Стёпа перевёл ещё, но выглядело это так, что что-то из слов патрона он всё же сократил. Японец же лишь кивал, явно смущённый таким вниманием.

– Этот парень валяет лучшую дурь! – глаза Сени горят, коньяк плескается и каплями вылетает из высоко поднятой им рюмки. – И эта дурь, этот, как его назвал Паша, «кофеин» – за ним будущее! Скоро весь город узнает о нас! А это куча денег! Кучу капусты для шинкования, пацаны!

– Кстати – здорово я названьице придумал? – Паша гордо ухмыльнулся, пока Сеня соображал продолжение. – Вполне подходит! Его же с водой и сахаром мешать надо. Разве не очевидное сходство?..

– Паша, помолчи! – сделав сердитый взгляд, Гарик ткнул

его локтём в бок.

– Короче! – Сеня махнул рюмкой, от чего ещё несколько капель сорвались на тарелку с кальмарами. – За нас, пацаны! За то, чтобы мы были всегда при бабле и чтобы наши дела шли, как по маслу! За нас!

Зазвенела посуда, закачался коньяк в стекле. Громче всех чокался японец, после чего пил самым последним, косясь на остальных.

Застолье понеслось! Никто себе ни в чём не отказывает, ест и пьёт в три горла. Даже Паша, которому завтра рано вставать, хлестает коньяк, как ключевую водичку. Время от времени Стёпа переводит японцу реплики и вопросы друзей, потом переводит обратно ответы. Японец как всегда не особо разговорчив и отделяется односложными фразами, что Стёпу абсолютно устраивает, так как роль толмача ему уже до колик в печени осточертела.

– Ох, какую кашу мы замутим! – Сеня всё не унимался, кидал взгляд между дружками и тарелкой. – Какую кашу! Что нам эта ганжа? Что герыч? Всё фуфло теперь, когда появился наш продукт!

– Шеф, потише! Соседи ведь в ментовку позвонят... – заметил Паша как можно мягче. – Сам нам все уши прожужжал про секретность...

– Ай, угомонись! – Сеня небрежно отмахнулся. – Ничего не услышит никто, да я и не так громко разговариваю... Кстати, расскажи всё-таки про то, что тебе там померещи-

лось. Ну, чего было-то?..

– Да чего рассказывать? – брови Паши сошлись над переносицей. – Сказал же, что мне почудилось. Ну почудилось и почудилось, подумаешь... Вот даже если...

– Извини, дай я пройду, – Стёпа поднялся и, стараясь протиснуться, двинулся мимо друга в коридор.

– Вот даже если менты меня пасли, то ну и что? – продолжил Паша после моментного неудобства. – В крайнем случае я бы всё скинул или сказал, что мне это подкинули. Я даже отпечатков на пачке не оставляю: либо через карман беру, либо стираю сразу же.

Гарик вставил:

– Сеня, ты же сам говорил – все паранойи завтра. Разве нет?

– Да ну вас! – Сеня задето махнул головой, будто сплюнул. – Ну сказал. Ну и что?.. А вот мысль в голову пришла – она завтрашнего дня ждать не станет. Ей сегодня развиться нужно!

– Ну, не соглашусь, – Гарик помотал головой, на его чернобородом лице отразилось сомнение. – Если мысль важная, то она и ночью, и утром, и днём с тобой. А если она забывается, так, может, и не важная вовсе...

– Да чего мы всё про фигню какую-то?! – Паша отправил в рот и разжевал кусок дурманяще пахнущей колбаски. – Вот я вам сейчас тему любопытную подкину, а вы над ней подумайте... Видали девчонку с первого подъезда, что мимо на-

ших окон постоянно на остановку ходит?

Сеня нахмурился

– Тёмненькая такая? С длинными волосами?

– Ага... Так вот... Я её чпокнул!

– Ха! – Гарик не сдержал улыбки. – Ты?! Её?! Ну, может, и да, но только во сне!

– Да говорю как есть! – Паша звучно хлопнул по столу. – Сегодня днём дело было!

– Вот человеку двадцать лет... – процедил Сеня, косясь на болтуна с отеческим сожалением. – А в голове у него... Нет, Паш, избавь меня от подробностей. Не желаю ничего слушать. Но даже, если это правда, я тебе советую теперь быть повнимательнее и иметь глаза на затылке.

Улыбка на губах хвастуна поблекла. Он уже собирался сказать что-то – может быть, пошутить – но осторожно спросил:

– Почему?..

Гарик ответил снисходительно:

– Да потому, дуралей, что мы видели её мужа. И мужик этот, Пашенька – ну чисто слон! Помесь кита с жирафом, отвечаю! Если он про твой подвиг узнает – от тебя, братуха, мокрого места не останется...

Паша перевёл мёртвый взгляд на Сеню, тот наклонил голову и многозначительно моргнул.

– Не мужик, а грузовик какой-то, – подтвердил он. – Прямо шире гаражных ворот! Кажется, он где-то в охране рабо-

тает. Вроде бы я что-то про него уголовное слышал...

Паша словно бы расстался с душой. В секунду лицо его побледнело, а нижняя губа затряслась. Он через силу про-чистил охрипшее горло, взгляд его упал на пол и где-то там потерялся.

– Да ты не бойсь, друган! – Гарик похлопал несчастного по плечу. – Если с тобой что случится, мы долю твою семье твоей отдадим! Развлекайся, пока возможность есть, а там уж... Эх!..

– Да ладно вам, пацаны... – во взгляде Паши отразилась бездна муки. – Да я это... пошутил просто... Я пошутил! Я и звать то её как не знаю! Вы чего! Какой муж?!

Теперь его лицо уже покраснело а на щеках заалел румянец.

– Да мы знаем, – ответил Сеня как ни в чём не бывало. – Вся правда у тебя на лбу написана, дружище.

Мгновение, показавшееся застывшим, Паша смотрел на спокойного, как камень, патрона, потом перевёл взгляд на начинающего улыбаться Гарика... До него дошло.

– А-а-а-а-а! – он наигранно растянул губы и сделал корявое движение трясущейся рукой, уперев кулак в бок. – Да я понял! Я же тоже пошутил, пацаны! А вы чё, поверили?..

Всё время, пока остальные перекидывались фразами, япо-нец сидел и тихо ковырялся в тарелке, точно пытаясь най-ти в ней золото. То коньячок хлебнёт – самую малость, то от курочки чуть-чуть отщипнёт. А то и просто уставится в

окно, положив подбородок на скрещённые пальцы. Сеня искоса поглядывал на него, но вопросов задавать не спешил. Мнение у него устоялось такое, что если человек что-то хочет сказать – он скажет. Если не хочет, то не стоит из него тянуть – только наговнишь.

К концу Пашиной тирады с блестящими вымытыми руками вернулся Стёпа.

– Чё, ругаетесь уже? – он насмешливо глянул на Пашу. – А вроде бы пока много не пили... Ну, сейчас плеснём ещё! Тогда уже можно будет на разные темы конкретно побазарить!

– Ты садись лучше, базарщик... – Сеня кивнул ему на место рядом с азиатом, – и разливай скорей, чтобы было, что плескать. И это... у японца спроси, не хочет ли он чего, а то сидит, как бедный родственник...

Стёпа прошёл к себе. Гарик в это время вынул телефон и стал листать контакты.

– Я сейчас девочек закажу... – произнёс он, ни к кому конкретно не обращаясь. – По одной на каждого, на всю ночь.

– Только не прямо сейчас! – остановил его Паша со всей серьёзностью и схватил новый кусочек колбаски. – Пускай через час лучше приезжают, когда мы будем уже... э... готовы.

– Ну да, Гарик, не спеши, – Сеня поднял свежую рюмку. – Девочек надо звать, когда за столом уже сидеть не хочется. И... японцу тоже заказать не забудь, может, у них там азиаточка какая есть. Ты поспрашивай...

Гарик кивнул и встал из-за стола. Его фигура, склонившаяся над телефоном, вышла из зала.

Застолье продолжилось. Было решено включить новости и посмотреть, что в мире твориться, однако оказалось, что когда на улице уже ночь, по всем каналам крутят какие-то фильмы. Остановились на старом боевичке со Стивеном Сигалом: что-то про корабль и группу музыкантов, оказавшихся террористами.

Стёпа о чём-то болтает на английском с уже захмелевшим японцем. Тот иногда делает попытки говорить по-русски, но звучит это очень комично. Паша наелся до состояния, когда ремень уже врезается в живот, теперь лежит недвижимый и полностью погружённый в телевизор. Гарик, как вернулся с кухни, тоже не отрывается от кино. Лишь Сеня раздумывает о всяком. То и дело поглядывает на людей, трёт подбородок и хрустит позвонками, разминая шею.

Заиграла восточная мелодия. Гарик встрепенулся и схватил телефон – на экране высветился неизвестный номер. Всё ещё пребывая в задумчивости Сеня спросил:

– Шлюхи?

Гарик глянул на часы.

– Да рано ещё. Через полчаса только позвонить должны...

Он провёл пальцем по экрану и, аккуратно прислонив аппарат к уху, спросил:

– Алло?

– Гарик, это Дима. У меня дело к Сене. Дай ему трубку.

На кратчайшее, неуловимое мгновение лицо Гарика стало таким тревожным, будто ему сказали, что он сейчас умрёт. Впрочем он быстро пришёл в себя и этого никто не заметил. Закрыв микрофон ладонью, он прошептал:

– Это Дима. Стволами который занимается...

Сеня нахмурился: в такое время такой звонок...

– Что за напасть? – пробурчал он недовольно. – Ну-ка дай-ка телефон!

Гарик послушно протянул трубку, тут же схваченную главным.

– Ало? Сень, это ты? Это Дима.

– Да, я... Дима! Что за новости?..

– Сень, тут такое дело... – голос в трубке спешил. – Вы же у нас две игрушки заказывали, так? На следующей неделе мы должны были подвести. Короче, мой человек... заболел. А после воскресенья все будут заняты и я решил приехать с товаром сам. Сегодня, сейчас. У меня всё при себе, так что готовься принимать заказ!

– Чё-то я не понял... – Сень нахмурился аж до глубоких складок на лбу. – Дима... Какой тебе резон лично этим заниматься? Да ещё в такое время? Давай, выкладывай! Не темни.

– Да я и не темню... – теперь голос звонившего стал степеннее и медленнее. – Сейчас подъеду и всё расскажу. Вы у себя?

Сеня буркнул не задумавшись:

– Ну да... Э!.. Пстой!

– Сейчас буду... – только и донеслось из трубки прежде, чем связь оборвалась.

Вся компания, включая ничего не понимающего японца, выжидательно уставилась на главного. Сеня недовольно сжал губы, но перезванивать не стал и кинул телефон Гарику обратно.

– Сейчас Дима приедет, – он обвёл компанию нетрезвым взглядом. – Сказал, притаранит наш заказ по пушкам.

У Стёпы удивлённо взметнулись брови, голос его неожиданно прохрипел:

– Стволы?..

– Да, стволы, – Сеня задумчиво кивнул. – Два «грача» к нам летят... Только что-то странное, ведь могли бы и заранее о встрече договориться... А вот так вот у хаты отсвечивать... Короче! Гарик! Готовь бабки! А вы – он глянул на остальных – сидите и помалкивайте.

– Я кое-что про Диму слыхивал... – Паша сделал глаза большими и загадочными, его ладонь в этот момент погладила опухший живот. – Кое-кто болтал, что у него и помимо стволов интересы какие-то имеются. Лет десять назад...

– Лет десять назад, – беззлобно прервал его Сеня, – тебе самому было десять лет. Часто ли ты, Паша, судишь по слухам?..

Паша шумно вздохнул и отвернулся, демонстративно скрестил руки на груди.

– Лучше перестраховаться, чем недостраховаться! – подбодрил Гарик весело. – Сколько приготовить за «грачей»?

– По сорок пять за штуку, – ответил Сеня, мысленно считая с поднятыми к потолку глазами. – Всего девяносто кусков тащи.

Стёпа присвистнул, но под суровым взглядом патрона ступешевался. Гарик ушёл в соседнюю комнату. Остальные продолжили, как ни в чём не бывало, смотреть телевизор. И, хотя через пару минут Стёпа с Пашей уже про все позабыли и глядели в голубой экран, японец держался с заметным напряжением, чуть ли не втащил голову в плечи, как черепаха. Сеня это заметил, но опять-же ни о чём азиата спрашивать не рвался. Ещё несколько месяцев назад, когда Стёпа впервые притащил этого чудного в их по лёгкому барыжущую ганжой компашку, Сеня понял, с кем имеет дело: беглецы везде похожи друг на друга. Они постоянно озираются, вечно ждут неприятностей, спят вполглаза. Нигде они не чувствуют себя, как дома, особенно если знают, что преследователь не сдастся, что он настырный и жаждет их поймать. Ну, или когда убегают от закона. Тогда всё то же самое...

Гарик вернулся и уселся на своё место. В зале повисла тишина, прерываемая лишь стрельбой и криками из телевизора. Спустя совсем немного времени снова заиграла восточная мелодия. Гарик тут же нажал на кнопку ответа и вскочил.

– Алло, Дима? Подъехал? Ага, сейчас подойду!

– Нет, погоди... – Сеня встал, на плечо Гарику легла его

тяжёлая ладонь. – Я сам пойду. Прогуляюсь, воздухом свежим подышу.

– Как хочешь... – Гарик пожал плечами, отвёл взгляд. – Но ты же сам говорил, что тебе лишний раз светиться нельзя...

Достав из кармана «котлету», он протянул её патрону и уселся обратно.

– Сделаю исключение... – холодно ответил Сеня и направился в коридор.

Накинув ветровку и прыгнув в кроссовки, Сеня вышел в подъезд и спустился по лестнице. Его пальцы сами собой сжались на деньгах в кармане. Нехорошо, кстати, что пачка толстая, набита тысячными – старыми, замусоленными бумажками. Человеку будет неудобно считать. Надо было разменять...

Просигналил магнитный замок. Железная дверь неохотно поддалась, впуская в подъезд струи свежего ночного воздуха. Сеня вышел и сразу сосредоточил взгляд на иномарке, притаившейся у торца дома: «Тойота», окна затонированы, одно стекло припущено и изнутри вьётся белая струйка дыма. Стекло опустилось до конца и в окне появилось лицо человека, которого Сеня видел лишь однажды, когда ещё только начинал дело: массивная короткостриженная голова напоминает перевёрнутый котёл. Громоздкий подбородок на вид кажется тяжелее наковальни, а таким широким лбом легко и самого настоящего горного барана забодать. Мужчину та-

кого вида можно запросто принять за самбиста и тяжелоатлета. Но за крепким внешним видом, люди судачат, таится не менее крепкий ум...

Дима щёлкнул сигарету – бычок вертушкой скрылся в кустах. Выдохнув дым, он глянул на приближающегося и кивнул ему на пассажирское сиденье. Сеня обошёл машину полукругом, открыл дверь и уселся рядом с хозяином «Тойоты».

– Привет, Сень, – Дима протянул руку – их ладони при пожатии оказались почти одинаковой носорожьей величины. – Извини, что вот так ночью выдёргиваю, но у меня кооонкретный срочняк...

– Привет, – Сеня уселся поудобнее и отрегулировал сиденье под себя. – Ну рассказывай, что за срочняк, а то я уж не знаю, что и думать...

– Да проблемы с кадрами... – Дима хмыкнул. – Так вышло, что мой человек, с которым вы имели дело, работать больше не сможет. Заменить его пока не кем, а завтра я уезжаю по делам, так что я решил, э... решить этот вопрос сегодня.

Сеня поглядел в карие, мелкие на фоне массивного лба глаза собеседника и помолчал. Устало вздохнув, он пожал плечами и произнёс:

– Ладно, дело есть дело. Ну выкладывай, чего привёз...

– А всё, что заказывали! – Дима с готовностью потянулся к бардачку. Крышка бокса упала и в руках ночного гостя

оказалась коробочка из-под женских туфель. – Две птички, как и просили!

Сеня взял коробку, по весу оказавшуюся намного тяжелее, чем если бы внутри и правда лежали туфли. Даже тяжелее, чем следовало ожидать от двух «стрижей»...

– Что-то тяжеловата... – он оценивающе покачал её на руках.

– Там внутри бонус, – Дима стрельнул взглядом в коробку, намекая её открыть. – Две обоймы с полным зарядом к каждой «птичке». Так скажем – за беспокойство.

Сеня изучил символику обувного магазина, украшающую картон. Пальцы не выдержали и сами полезли внутрь. Крышка легла под дно коробки, зашуршала обёрточная бумага. Мелькнул чёрный металлический уголок – и вот уже Сеня глядел на пистолет, заботливо упакованный ещё и в марлю, пропитавшуюся оружейной смазкой.

– Это чтобы его вытереть перед тем, как в руки взять, – Дима глядел то на оружие, то на соседа. – Слишком много заводской смазки. Приходиться удалять самим. Но! Зато можешь быть уверен, что они полностью чистые, из них не стреляли ни разу, даже в тире.

– Сколько? – Сеня не отрывал взгляда от пистолета.

– Девяносто. И, кстати, в следующий раз могу сделать скидочку на патроны, если понадобятся.

Сеня кивнул и молча достал из кармана «котлету», сразу сунул её бардачок. Дима не считал, просто закрыл ма-

ленькую дверцу и протянул собеседнику ладонь со словами: «Приятно иметь с Вами дело!»

– Взаимно, – ответил Сеня с пожатием. – Только в следующий раз, если будут такие срочняки, ты уж предупреждай заранее, чтобы мысли всякие нехорошие в голову не лезли...

В этот момент на лицо Димы будто пала тень. Ответил он неожиданно мрачно:

– Надеюсь такого больше не повториться... Ну, вопрос порешали! А теперь извини, Сень, пора мне ехать другие вопросы разруливать. Времени в обрез.

– Пфф... – Сеня лишь улыбнулся и помотал головой. – Не смею задерживать! Я и сам домой уже хочу. Стол зовёт.

– Ну давай!

– Давай!

Попрощавшись, они расстались. Сеня вылез и «Тойота» тут же зарычала и унеслась, словно гепард, устремившийся за газелью.

Зажав коробку подмышкой, Сеня неспешно побрёл к подъезду. Шурша подошвами, он вглядывался в окна квартиры, где гуляет его шайка. Последние шаги он сделал уже бодрее. Вприпрыжку забрался на крыльцо и с лёгкостью отварил громоздкую железную дверь. Спешить, конечно, не хочется, но когда несёшь такой «горячий» груз, ворон лучше не считать.

Быстро добравшись до квартиры и зайдя внутрь, Сеня поставил коробку на тумбочку и стал раздеваться. Грудь его

вздыхала от лёгкой отдышки. Из зала вышел Гарик.

– Ну что? Взял?..

– Взял, – Сеня снял кроссы. – На вот, спрячь в секретном месте...

Гарик принял коробку и ушёл, а Сеня с ощущением полной свободы вернулся в зал и уселся на старое, самое козырное место, которое, конечно, никто не посмел занять. Степа с японцем о чём-то горячо спорят на английском. Выглядит это забавно, потому как язык они более-менее знают, но даже человеку не посвящённому понятно, насколько – в их речи то и дело слышатся «э» «ом» «аэ» и прочие сорняки. Паша как сидел, уставившись в телевизор, так и сидит. Лениво глянув на вернувшегося патрона, он отвернулся и продолжил смотреть кино.

– Так, ну что?! – Сеня громко хлопнул в ладоши и растёр их в предвкушении. – Хватит, пацаны, нам скучать! Пора девочек вызывать!

– Да ты, Сень, стихами заговорил! – Паша с улыбкой снова оглянулся на главного.

– Через часок ты тоже заговоришь! – задорно бросил ему отвлекшийся от японца Стёпа. – Ах, как запоёшь, Пашенька!

– И застонешь! – поддакнул Гарик из-за угла. – Чё, Сень, вызываем?

Тот многозначительно улыбнулся и авторитетно кивнул. Гарик сразу достал мобильник и набрал заветный номер.

– Алло?.. – он внимательно оглядел компанию и, хотя гу-

бы его улыбались, взгляд остался не по-праздничному серьёзен. – Да, это мы... Приезжайте, мы уже готовы. Ага, я понял, понял... Конечно открою, какой вопрос?..

Веселье набирает новые обороты! Откупорились новые бутылки, насадились на вилки новые закуски. Паша уже не льёт в себя коньяк, как в бездонный колодец, но и просто так старается не сидеть. Сеня напротив опрокидывает рюмку за рюмкой, в глазах его уже пляшет муть.

– Ох, ну и сложно с этим японцем... – промямлил Стёпа хмельными губами, глаза его причудливо косились один к другому. – Он мне все мозги уже высушил! Вот сейчас, ребята, знаете, о чём он триндит?..

С показной серьёзностью Паша заявил:

– Конечно! У меня же докторская по японской и английской лингвистике. Разве ты не знал?..

– Да я не об этом! – Стёпа пьяно отмахнулся. – Я о том, что он у нас гнать начинает. Сечёте?

В этот момент азиат обратился к Стёпе на родном языке, что заставило всех на него оглянуться. Сообразив, что говорит на японском, он повторил на английском, коряво жестикулируя и корча гримасы.

– Вот и сейчас! – Степа тяжело вздохнул и всплеснул руками. – Опять! Надоел он мне!

Сеня не выдержал:

– Да что он говорит-то?!

– Он говорит, что за ним охотятся японские бандиты. И

что они его, может быть, скоро найдут!

Паша спросил недоумённо:

– Якудзы что ли?..

– Ну, типа того... – Стёпа скривил губы и обернулся к азиату. – Are you being hunted by the Yakuza? Ох, правильно, чтоль, говорю?..

Японец сбито закивал, его движения тоже уже расшатаны алкоголем. Они обменялись со Стёпой парой фраз, после чего последний снова тяжело вздохнул и встал из-за стола.

– Всё, сами с ним разговаривайте! – возмутился он, выходя из зала. – А я устал! Ну как ребёнок! Ему вообще пить нельзя! Я покурить...

Сеня хотел Стёпу остановить и потребовать, чтобы тот выспросил у азиата всё, пока у того развязан язык... но что-то его остановило. Может, желание заняться этим на трезвую голову, а может уверенность, что когда Стёпа вернётся, их разговор продолжится и можно будет узнать что-то просто подождав.

Только Стёпа вышел, японец будто воды в рот набрал. Избегая смотреть другим в глаза, он отвернулся к телевизору, где развязывается сейчас финальная сцена между героем и антигероем.

– Слушай, Сеня, ты прав был, – произнёс Паша, не отрывая глаз от фильма. – Пойду я, пожалуй, прилягу. Что-то меня рубит. Вставать завтра рано ещё...

Гарик с улыбкой удивился:

– А как же девочки? Что, свою любимую рыжуху уже и не встретишь что ли?

– Отправьте сразу ко мне в комнату, – с твёрдым, настырным намерением Паша всё-таки поднял себя с дивана. – А я пойду, мурчать завалюсь. Пускай сама меня разбудит.

Прикрывая зевоту, он лениво двинулся в обход стола к комнате, где ждала его не запрошенная ещё с утра кровать. Гарик с Сеней проводили друга удивлённым взглядом, потом переглянулись и обменялись хитрыми ухмылками.

Вернулся Стёпа и снова сел рядом с японцем, однако тот вовсе не спешил откровенный разговор продолжать, а Стёпа и рад был его не слушать. Сеня какое-то время ждал и следил, к выпивке почти не прикасался. Может быть что-то и заставило бы азиата заговорить снова, но тут прозвенел телефонный звонок.

– Алло? – Гарик поднёс трубку к уху. – Приехали? Ага, Сейчас открою. Секунду подождите... Приехали! – произнёс он для всех, убрав телефон. – Уже в подъезде ждут. Пойду, дверь отворю...

– Иди, – Сеня охотно кивнул. – Проследи только, чтобы они в коридоре не свинячили.

– Девочки! – Стёпа вожацки улыбнулся. – Ну наконец-то, а то вечер уже начинает казаться скучным!

– Про японца не забыл, надеюсь?... – взгляд Сени стал требовательным. – Помоги ему выбрать, если он, конечно, захочет... Ты мне его не оставляй, понял?

– Да-да... – Стёпа закивал без особого воодушевления. – Конечно, Сень, как скажешь. Мы ему...

Наступила гробовая тишина. На пороге в зал остановился высокий и тяжёлый, как каменная башня, мужик. Восточное лицо отсвечивает загаром. Недельная щетина покрывает изрытые оспиной щёки. Черные короткие кудряшки взвиваются и блестят, словно невымытые, а нос смотрит набок, как у старого боксёра. В руке он угрожающе сжимает арматурный прут, перевязанный у ладони тряпкой.

– Ну что, щенки? – пробасил он, смиряя всех жутким, обещающим смерть взглядом. – Девочек захотели? Сейчас вам будет кое-что покруче!

Мужик вошёл в зал и следом за ним ворвались бандиты в кожаных и спортивных куртках, размерами и грубостью уступающих лишь первому чудовищу. Сень пьяно закрылся, когда на него обрушился страшный удар! Железо разорвало кожу и оголило мясо на руке, там показалась розовая кость! Бандиты накинулись на Стёпу, один схватил японца за шиворот и поволок, слабо вырывающегося, к выходу.

– Да вы что, суки?! – заорал Сень свирепо. – Ублюдки!

Не чувствуя в хмеле боль, он улучил момент и схватил прут, несущийся прямо на его голову. От удара пальцы всё же заныли, но Сень упёрся спиной в диван и со всей силы саданул пяткой великану между ног.

Напавший взревел, его глаза налились кровью.

– Сука! Убью!

Уже слабо соображая, Сеня схватил вилку и ткнул ею врагу в лицо, метя в глаз.

– А-а-а! – великан защитился арматурой, свободной рукой ударил Сеню по голове, от чего тот завалился на бок. Предвкушая победу, великан высоко занёс железный прут и с злобой обрушил его на голову жертвы. В страшное мгновение Сеня умер.

Японца вытолкали из зала. Двое пинают Стёпу, тот корчится на полу в уже растекающейся под ним луже крови.

– Вы чего творите, дурни?! – заорал великан и быстро, как кошка, оказался рядом с ними. – Сдурели?!

Оба «дурня» были отброшены, будто котята. Великан схватил Стёпу за грудки, но тот уже пускает пену в предсмертной агонии, закатывает глаза и корчится.

– Идиоты! – в бешенстве великан отшвырнул тело несчастного, словно скомканный бумажный лист. – Что вы натворили?! Это же переводчик! Его надо было вести вместе с япошкой!

– Да нам сказали... Ну... – пролепетал один, растирая ушибленное плечо.

– Заткнись! – взревел великан, пуча налитые кровью глаза. – Если Агаян скажет тебя порешить – я лично тебе шею сверну!

Шаркнули подошвы. Все разом оглянулись на пришедшего из соседней комнаты человека. Парень лет двадцати встал в дверном проёме в одних трусах, губы его дрожат, в вытя-

нутых руках хищно чернеет поднятый пистолет.

– Стоять, мрази! – крикнул он, истерично разевая рот. – Не двигаться!.. Кто вы?!

Великан переглянулся с дружками и сделал кивок на новенького. Оба бандита заколебались, но когда заметили нарастающую злость в глазах главаря, кинулись вперёд обгоняя друг друга.

– Стоять! – Паша не ожидал, что люди побегут прямо на оружие и начал палить, как придётся. Его босые ноги сделали несколько растерянных шагов назад.

Один бандит схватился за грудь – на его куртке ближе кшее возникла новая некрасивая дырка. Сзади, страшно сверкая глазами, его тут-же подхватил второй и спрятался за ним от пуль. Грохочут выстрелы, шум разлетается по комнатам и проникает в стены, будит соседей. Паша отходил и стрелял не целясь. Прикрывшийся дружкой бандит подступил и бросил стонущее тело на противника, опрокинул того на пол.

– Ну и кто мразь?! – заорал он, принявшись пинать побеждённого. – Кто?! А?!

– Т-т... ты! – прохрипел Паша сквозь боль в рёбрах. – Ты!!!

Пистолет в руках всё ещё придавал ему уверенности а бандита заставил остановиться в страхе и изумлении, что он совсем о нём забыл!

Выстрел! Выстрел! Выстрел!

– А-а-а... – с жалостливым стоном напавший свалился ря-

дом с умирающим кентом, его дрожащие руки зажали краснеющую на животе куртку. – А-а-а...

Паша уже хотел вскочить, когда на него пала тень – приблизился великан. Его рука сжимает покрытую кровью и волосами чёрную арматуру...

– Да пошёл ты! – выкрикнул Паша, сам не зная почему. – Пошёл отсюда!

– Нет, дружок... – великан покачал головой. – Это ты сейчас пойдёшь. К праотцам!

Арматура взмыла вверх и понеслась на голову жертвы... В кратчайший миг Паша кувыркнулся, как в детстве учили в секции самбо... и застрял в ногах у врага. По спине садануло железом! Боль заставила сжать зубы так, что Паша смог бы раскусить и грецкий орех. Великан растерялся, а когда ему во второй раз за ночь ударили в пах – от боли на его глазах выступили слёзы.

– Ах ты гнида! – завопил он и к собственному стыду услышал, что голос его звучит тонко и ломано – не дай бог кто-то из братвы сейчас услышит...

Воспользовавшись моментом, Паша протиснулся и вскочил, поковылял с подгибающимися коленями. Не думая головой, соображая в такой панике исключительно инстинктами он понёсся к окну в зале, молясь, чтобы оно открылось быстро.

– Куда?! – крикнул великан вслед и дёрнулся, но боль в паху не дала сделать и шага. – Стоять! Убью!

Занавеска запуталась, Паша безжалостно рванул её, чем только усложнил дело: на страшные мгновения она упала ему на голову и закрыла глаза!

– Давай! – зарычал он с перекошенным в страхе лицом, его руки терзали и пытались сбросить ткань в сторону. – Ну давай же!

Великан попробовал шевелиться и у него слегка получалось. Делая шаг за шагом, силой воли заставляя себя не прикрывать ладонью ушибленный пах он двинулся на Пашу со злой решимостью.

– Да ну давай же ты быстрее! – закричал Паша занавеске, будто она живая.

Полотно наконец-то спало, и хотя обычно справиться со шторой есть дело трёх секунд, сейчас это время показалось смертельно долгим. Оконная ручка повернулась на середину. От бешеного рывка рама влетела бы в комнату, если бы была не была вмонтирована в кирпич.

– Не уйдёшь! – зарычал великан, подступая. – Всё равно достану!

Паша прыгнул в окно не глядя, как прыгают в бассейн с пружинящей доски. В живот больно ударило, треснула рвущаяся ткань. Паша вытянул руки, надеясь выполнить перекат – в эту секунду он благодарил судьбу, что квартира всего лишь на первом этаже! Руки ударились о твёрдое, неудачно согнулись и в спину больно садануло. Паша обнаружил себя на холодной земле, грязной от мусора и окурков, выбрасы-

ваемых из окон. На трусах зияет огромная рваная дыра, они еле держатся и вообще не прикрывают срам.

– Лови его! – из окна над головой высунулась морда великана. Его глаза горят злобой, а изо рта летят слюни, как у лающей собаки. – Ловите его, идиоты! Скорее!

Сообразив, что поблизости могут быть чужие, Паша вскочил и дал дёру, не обращая внимания, что бежит босой, что на нём только порванные трусы и что его может сейчас кто-то видеть. Страх придал ему необыкновенной прыти.

Арсен попытался выпрыгнуть из окна следом, но быстро передумал. Зря он вообще закричал, зря поднял шума больше, чем уже поднято. Наверняка кто-нибудь из соседей уже позвонил в ментовку. Оглядевшись по сторонам, он посчитал трупы, пригляделся к каждому, не дышит ли кто тихонько, не притворяется ли мёртвым. Нет... Все холодные, даже последний, с прострелами в животе... Отбросив прут, Арсен спешно двинулся из зала. По дороге он брезгливо обошёл лужу крови. Проходя мимо стола, он прислушался, нет ли в квартире кого из своих – и стащил с тарелки кусок курятины.

Остановившись в дверях, великан оглянулся на квартиру – так просто, без умысла – и ушёл, исчез в ночи. А всего через пять минут после его ухода в опустевшую, не запертую квартиру ворвался наряд полиции. Но пять минут – это вечность в делах подобного толка.

Глава 3

В гостях у старика

Прошло несколько дней с момента, как в квартире по улице Пензенской обнаружили трупы. Сказать, что соседи были в ужасе – это ничего не сказать. С самого раннего утра весь квартал узнал, что ночью совсем рядом с ними произошла какая-то кровавая разборка. Сотрудник, отвечающий за секретность и не допуск посторонних в этот раз крупно облажался – репортёры со второго канала ловко просочились на место преступления и засняли всё ещё до того, как тела увезли. Новость взорвала местное телевидение. В масштабах страны такое суший пустяк, но для самого города – бомба! Люди ходили по Пензенской и показывали на злосчастный дом пальцем, спешили поделиться с другими услышанными и надуманными подробностями. Эта новость стала даже более интересной, чем авария на загородной трассе с участием усевшегося под кайфом за руль водителя. Но там погиб только он, а тут – целых четверо!

В полиции громко объявили о поиске преступников. Пресс-секретарь МВД по Самаре заявил, что будут предприняты самые жёсткие меры, будут задействованы самые лучшие оперативники, а самое главное – силы правопорядка во всём разберутся!

В общем, история вышла яркая... но жизнь продолжается,

а потому через два дня на слух уже встали другие события, иные происшествия. Только жильцы дома по улице Пензенской продолжили судачить о случившемся да поплёвывать через левое плечо.

Как раз в один из таких дней над Самарой снова, как и тысячи раз до этого, уступая небо луне а улицы – фонарям, садилось солнце. Темнота заставляет город светиться множеством красок: автомобильные фары, огоньки сигарет, экраны телефонов... Свет ламп накаливания смешивается с люминесценцией ионных вывесок. На одной из таких, очень крупной и заметной, написано «Ivory», а под буквами красуется настоящий бивень, срезанный у какого-то несчастного слона. Под вывеской кованая чернёная дверь, закрывающая вход в ресторан, сделанный из старого склада, построенного в Железнодорожном районе города ещё в ранние послевоенные годы. Узоры на двери рисуют фрагменты охоты, когда главным оружием людей были ещё лук и копьё. Рисунки стремятся в разные стороны, напоминая человеку с живой фантазией лучи солнца. Всё одноэтажное здание выполнено в похожем стиле: ковка и камень, минимум пластика и широкая плиточная дорожка вокруг, по которой могут, взявшись за руки, пройти трое.

Рядом с дверью дежурит мужчина в классическом костюме. У него короткие с редкой проседью волосы и худое, как у монаха-подвижника, лицо. Руки сомкнуты у живота, бдительные глаза ошупывают всякого проходящего.

Для местной публики «Ivory» уже давно место статусное, так как помимо роскоши всего, чего не коснись, тут можно заказать и самые редкие блюда – и ваше желание будет исполнено! Можно также попробовать привычную кухню и понять, насколько паршиво было всё, что вы ели раньше. Разумеется, «Ivory» собрал у себя весь цвет российских поваров. Болтают, что за некоторыми из них даже ездили в столицу, уговаривали проявить талант в этом, казалось бы, вовсе не пафосном месте. Знающие, приближённые к хозяйским делам люди могут при случае шепнуть, что даже официантов местных нет, за исключением одного молодого дарования, расторопностью и внимательностью к деталям превзошедшего, наверное, всю остальную свою городскую братию.

Но даже не всё вышеперечисленное является бриллиантом этого места. На самом деле оно не особенно прибыльное, не смотря даже на космические цены и постоянную занятость всех столиков. Особенность ему придаёт его хозяин, почитаемый среди братвы авторитет Цыган. Известный далеко за пределами Самары, более сорока лет уже любимый одними и ненавидимый другими, бессменный «банкир» и судья для всех, кому требуется вмешательство третьей стороны... и последние несколько лет держатель нейтральной территории, на которой могут встретиться любые, даже самые недружественные друг другу люди без опасения получить пулю в лоб. Цыган, а по паспорту – Цыганков Иван Андреевич.

Кто-то шептал, что Цыгану когда-то предлагали короноваться, но он отказался по причине, сейчас уже никто и не вспомнит, какой. Однако в те времена никто не посчитал отказ оскорблением.

Человек у входа бросает косые взгляды на прохожих. Время от времени он глядит на часы, кстати, «командирские» наградные, и посматривает на дорогу. Его ожидание оказалось вознаграждено: без пяти минут одиннадцать показался чёрный «Мерседес». Тихий, как тень, он подплыл, шурша колёсами. Пассажирская дверь открылась и наружу вышел мужчина в классическом полосатом костюме – тройке, которые были модны годами в восьмидесятых. Синий галстук выделяется на белой рубашке, на волевом подбородке видна ямочка. Высокий лоб говорит об уме, а зачёсанные набок волосы отсвечивают лёгкой проседью. Из-за очков зорко смотрят карие глаза, один из которых, если приглядеться, чуть скошен – это протез, хорошо замаскированный под живой глаз.

Выпрямившись, мужчина поправил галстук и двинулся ко входу, лишь на миг встретившись взглядом с охранником – тот подчёркнуто вежливо кивнул и помог отворить входную дверь. Мужчина скрылся внутри заведения, а его водитель отъехал на специальную стоянку, где и поставил машину среди таких же иномарок, не уступающих ей ни роскошью, ни красотой

Дверь за спиной закрылась и Юрий Алексеевич Кожемя-

кин, более известный в городе, как Кутуз, мазнул взглядом по сторонам. В такое время народу бывает поменьше, но сейчас не нашлось бы ни одного свободного угла. Кутуз прощупал взором всех, кто сидит к нему лицом или хотя-бы в пол-оборота: так, просто по привычке. Знакомых не нашлось.

Постояв на пороге, Кутуз пошёл дальше. На ходу он изогнул губы в приятной вежливой улыбке. Столик мимо, второй. Один из официантов ловко пронёсся мимо, мастерски обогнув клиента со спины. Охранник рядом со сценой для пения заметил важного гостя и тут же ушёл. Спустя минуту он появился в сопровождении хозяина ресторана. В чёрных штанах и белой, расстёгнутой на две пуговицы рубашке, с высоким лбом под чёлкой седых волос и седыми же усами под скрюченным старческим носом, Цыган глазами выцепил Кутуза и сделал ему пригласительный жест.

– Иван Андреевич... – Кутуз уважительно протянул руку, они обменялись рукопожатиями. – Рад вас видеть. Как ваше драгоценное здоровье?

– Спасибо, не жалею, – Цыган хитро моргнул. – Как я понял, Юра, ты здесь рассчитываешь с Агой встретиться? Я угадал?

– Всё то вы знаете, Иван Андреевич... – Кутуз моргнул не менее хитро. – Но я ведь столик только на себя заказывал, так откуда сведения?

– Птичка напела... – тон Цыгана стал менее дружелюбен. – Юра, вы же с ним вместе своими делами занимаетесь.

Могли бы и так просто увидеться... но вы решили встретиться у меня. Или кто-то из вас решил... – старик, если так вообще можно назвать Цыгана, поглядел Кутузу в глаза, и в его зрачках отразилась могила. – Ты знаешь правила, Юра. И Агаян знает. Если что...

Ни единой мимикой, ни единым жестом не выказав раздражения, Кутуз сдержанно возмутился:

– Помилуйте, Иван Андреевич... За спокойствие можете не волноваться. Да и с Агаяном мы дружим. Просто решили прийти в приличное место, поболтать о том о сём...

– А... Ну, тогда в самом деле можно не волноваться... – Цыган самую малость улыбнулся и, положив ладонь на плечо собеседника, крепко его сжал. – Ваш столик в VIP-зоне. Мои люди, как ты уже понял, обо всём знают и о вас позаботятся. Отдыхай, Юра, расслабляйся. Чувствуй себя как дома!

Они снова обменялись тёплым рукопожатием, после чего Цыган ушёл. Кутуз проводил взглядом его всё ещё не согнутую годами спину, после чего прогулочным шагом двинулся к красной бархатной занавеси, отделяющей общий зал от эксклюзивного. Охрана провожала его глазами, на каждом углу вежливо кивала. Кутуз тоже кивал и улыбался, но чуть меньше, как мог бы дворянин приветствовать слуг. Не ускользнуло от него и то, что Цыган поставил людей больше, чем обычно. Неужели в самом деле думает, что может случиться заварушка? А в прочем – бережёного бог бережёт, а не бережёного конвой стережёт. Цыган просто не дожил бы

до седин, если бы не страховался.

Эксклюзивный зал ничем не отличается от общего, разве что занимает меньше места, а каждая кабинка, обставленная с вопиющей роскошью, надёжно спрятана от чужих глаз и ушей. У одной из таких охранник, здоровенный лысый тип в чёрном костюме, склонил голову и сдержанно произнёс:

– Вам сюда, Юрий Алексеевич. Прошу, проходите...

Не глядя, обратили ли вообще на него внимание, он открыл дверь и встал в почтительной позе. Кутуз молча прошёл внутрь, где неторопливо осмотрелся и выбрал место на диване за круглым столиком из стекла, где и сел лицом ко входу. Устроившись поудобнее, он впервые позволил себе шумно и несдержанной вздохнуть: теперь ему осталось только ждать.

Спустя минут десять после приезда «Мерседеса», ко входу в «Ivogy» подкатил большой и блестящий, как космический корабль, внедорожник: чёрная «Тойота» с широченными зеркальными дисками, ионными фарами и дорогушим отсвечивающим номером один ноль один. Окошко водителя опустилось и оттуда на охранника уставился амбалистый, борцовского вида мужчина в чёрной кожаной куртке и месячной щетиной на широкой, прямо таки бычьей челюсти. Впрочем, взглянул он без злости, с вялым любопытством. Да и охранник тут не из тех, кого можно смутить всего лишь страшной рожей.

Задняя дверь внедорожника открылась и на улицу вышел

мужчина лет сорока пяти, с короткой тёмной стрижкой и высоким, прямо таки профессорским лбом. Нос великоват и загнут, как у хищной птицы. Крупные карие глаза смотрят хищно. Одет приехавший в белую рубашку, выглаженные брюки и начищенные вроде бы недорогие ботинки, а в целом похож на типичного менеджера или бухгалтера, никогда не знавшего ни лопаты, ни армии. И наверняка не найти в целой России человека, чей внешний вид так мало отражает внутреннюю сущность.

– Владимир Иосифович... – охранник слегка поклонился и открыл дверь перед гостем. – Вас уже ожидают. Проходите.

Агаян чуть кивнул и вошёл в помещение.

Ресторан, как всегда, оказался полон народу, и сегодня даже больше, чем обычно. Агаян огляделся, примечая, что охранников что-то многовато. Сильно многовато. Среди клиентов мелькнуло несколько знакомых лиц, но Агаян не стал подходить и здороваться, на это сейчас жалко времени, да и люди ни того полёта...

Охранник у сцены исчез и через полминуты вернулся с хозяином заведения – Цыганом. Агаян не любит Цыгана... Но уважает. Потому он первым пошёл на встречу и первым протянул руку, ещё и улыбнулся вполне искренне.

– Иван Андреевич... Рад вас видеть.

– Здравствуй, Ага... – зорко глядя в большие карие глаза гостя, Цыган сжал протянутую ладонь. – Добро пожаловать. Наш общий знакомый уже ждёт тебя в vip-комнате. Мои лю-

ди проводят, куда нужно.

Агаян кивнул и двинулся дальше. Он, конечно, знает ресторан, бывает в нём часто, и пошёл в вип-зал не обращая внимания на бдящих по углам сторожей. У заветной кабинки лысый здоровяк сделал ему предложение остановиться и пройти внутрь. Агаян прошёл – и сходу встретился взглядом с развольно рассевшимся нога на ногу Кутузом. На миг, достаточный лишь для трёх ударов сердца, повисла тишина. Молния пронеслась между двумя цепкими взглядами.

Агаяну не нравится Кутуз – он совсем не походит на людей, с которыми Агаян любит иметь дело: слишком хитрый, слишком умный, слишком продуманный. С ним нельзя не считаться. И Агаян считается. Ему приходится.

Кутузу не нравится Агаян: этот псевдобухгалтер слишком дерзок, неуважителен, груб. И с тем настоящая беда для любого, кто не примет его всерьёз. Агаян не знает слова «нет», не боится ни смерти, ни огласки. Если бы его можно было легко и без последствий просто взять и убить, Кутуз бы без раздумий так и поступил – но хитрость этого человека больше, чем у мешка с лисами, а опасность выше, чем у стаи голодных волков.

– Агаян... – Кутуз непринуждённо встал и протянул ладонь.

– Кутуз... – Агаян ответил на приветствие.

Они обменялись сдержанным рукопожатием.

Кутуз сел обратно, а Агаяну пришлось выбирать место,

так как нужно устроиться и напротив собеседника и спиной к стене. Старые верные привычки. В конечном итоге он выбрал противоположный от Кутуза угол, для чего первому пришлось чуть сместиться, дабы тоже держать «друга» в поле зрения. Снова повисло молчание, но оно стало уже скорее проявлением сдержанности, чем неловкости. Каждый вдумчиво подбирал слова, размышлял, о чём спросить, про что умолчать. Некто сказал однажды: «Нужно подумать дважды, прежде чем не сказать ничего».

– Ну что... – Кутуз нарушил молчание первым. – Давай обсудим, зачем пришли. Есть важные вопросы, требующие немедленных решений. Первый из них – по жёлтому грузовичку, недавно пропавшему со всех наших радаров.

Жёлтым когда-то было условлено называть между собой всё, имеющее отношение к героину.

– Ты прав, – взгляд Агаяна резанул по Кутузу, как ножом. – Что ж, давай сразу к делу... Что касается твоего груза, пропавшего на моей территории, я несую полную за то ответственность... Это не я... Но я возьму тебе стоимость всех... сколько?

– Пяти.

– Пяти килограммов. Не знаю, что за идиоты надумали так глупо расстаться с жизнями, но у них будет время об этом пожалеть. Обещаю...

– Спасибо, – Кутуз кивнул и сдержанно улыбнулся. – Конечно, если выяснится, что это мой прокол и это мои люди

виноваты, я отдам тебе обратно все деньги и половину груза за беспокойство и помощь.

Агаян тоже кивнул, принимая услышанное, как само собой разумеющееся. И даже не без удовольствия, ведь теперь открывается место для какого-нибудь манёвра...

– Хорошо, – он положил локти на стол, от чего ещё больше стал похож на бухгалтера. – С грузовиком порешали. Теперь давай порешаем с Максимом. Я предлагаю его убить.

На лице Кутуза не дрогнул и мускул.

– Согласен... – он опустил взгляд и с неподдельным вздохом сожаления помотал головой. – Эх... Максим не жилец, это ясно. Думаю, он и сам это понимает.

Максимом для простоты сам себя называл человек, у которого вот уже три года Кутуз и Агаян закупают ганжу. Счёт идёт на десятки килограммов ежемесячно поставляемого качественного товара. В новостях не показали, и мало кто вообще в курсе, но совсем недавно «Максима», истинное имя которого Короглу, схватили с поличным на крупной перевозке через границу. Всё. Для него настал конец.

– Не совсем, правда, понятно, как это произошло... – Кутуз недовольно сжал губы. – Всем было проплачено, все нужные люди были на местах... Схема надёжная. Уже много лет с этими авто работаем...

– Ты имеешь в виду, что сдал кто-то из своих?.. – Агаян понимающе кивнул. – Да, это самое простое объяснение. Однако у меня есть мысль... Думаю, это наша новая знакомая

постаралась.

– Решетникова? – Кутуз с сомнением сдвинул брови. – Эта звездатая в юбке?

Решетникову Анну Павловну три месяца, как назначили новым главой отдела по контролю за оборотом наркотиков по Самаре и области. Тридцати пяти лет. Женщина с очень красивой, как сказали бы в первой половине двадцатого века, истинно арийской внешностью за краткий срок успела наговнить уже такому количеству людей, что остаётся решительно не понятным, почему её ещё не сместили. Или не убили.

– Она самая, – Агаян почесал подбородок. – Сорока вот на хвосте принесла, что Анна Павловна откуда-то узнала про всё. Именно она больше всего в этом деле ковырялась. Откуда знаю – не спрашивай, не скажу.

– Смекаю, – Кутуз натянул понимающую улыбку. – У каждого свои источники... Мой источник сообщил тоже самое, только в других словах... Но суть одна.

Снова наступило молчание: каждый задумался о своём, но мысли обоих закружили возле единого дела и нескольких фигур, связанных с ним. Агаян вдруг оскалился, со злостью вдарил кулаком по столу.

– Вот же сучка! Дрянь! Как же хочется придушить её собственными руками!

– Может, мы не достаточно предложили?.. – Кутуз сохранил самообладание, хотя с «бухгалтером» ощутил полное со-

гласие. – Может, нужно послать предложение с новой цифрой?..

– С какой именно?! – взгляд Агаяна вспыхнул негодованием. – Юра! Если мы к той сумме, что уже ей предложили, прибавим ещё хоть пару лимонов, то это мы с тобой новый рекорд поставим! Тебе хочется быть лохом? Мне нет. Да и к тому же... – он замялся. – К тому же есть у меня ощущение, что деньгами тут не решишь. У этой дряни, чтоб её черти драли, точно есть какой-то свой интерес...

– Интерес? Хм... – Кутуз скользнул взглядом по своим вычищенным ногтям. – Ладно. Чёрт с ней... Поглядим, что будет дальше. А Максима я беру на себя. Обещаю, следующей недели он не увидит. Тебя же я попрошу заняться его людьми, которые могут вывести на нас.

– Не беспокойся. Считай, что все лишние рты уже закрыты... – губы Агаяна сжались в тонкую сухую линию. Слова его не прозвучали грубо, но сказаны были с чётким намёком не лезть всяким умникам со своими указами.

Снова повисло молчание, дающее каждому обдумать услышанное и то, что ещё предстоит сказать. Вдруг в дверь тихонько постучали.

– Да?! – спросил Агаян громко, беспокоясь, что с той стороны не расслышат.

Кутуз повернулся ко входу. Дверь приоткрылась и в комнату вошла девушка в форме официантки, на сгибе локтя она принесла большую кожаную папку.

– Добрый вечер! Не желают ли гости ознакомиться с меню и что-нибудь заказать?

Голос её пропел молодо и звонко, движения оказались полны грации. Кутуз с Агаяном переглянулись. Первый пожал плечами и произнёс:

– Будьте добры чёрный чай с клубникой. Или лимоном. С лимоном даже лучше.

Девушка кивнула и перевела внимательнейший взгляд на второго.

– И мне тоже, – ответил Агаян. Но заколебался. – Хотя нет. Принесите лучше кофе. Кофе и один маленький пирожок с творогом.

Девушка кивнула и скрылась так быстро и тихо, что можно принять её за мираж. Мужчины после её визита посидели в молчании, наконец, не выказывая особого интереса, Кутуз спросил:

– Вот ты, Ага, кофе заказал... А слышал ли ты что-нибудь про такую штуку, как кофеин?

Лицо Агаяна не изменилось: бровь не поднялась, кадык не скакнул. Взгляд остался прохладным и вообще его портрет мог бы посчитаться сейчас воплощением выдержки. Это привлекло внимание Кутуза ещё больше.

– Кофеин?.. – Агаян словно бы плохо расслышал. – Да, на улицах появился какой-то новый продукт. Его вроде бы так и называют. Я слышал, он пользуется успехом...

– Ещё каким! – в глазах Кутуза блеснула хитринка. – Про-

даётся дороже жёлтого, и, говорят, люди его потребляют всё больше! Он не вызывает уродств, его не надо колоть... Считай, целевой клиент – любой человек! Очень заманчивый товар. Нам бы с тобой прибрать его к рукам...

– Говорят, в Москве... ну ты понял, Юр. – Агаян скривил губы. – Может, он и хорош... Но разве лучше нам сейчас, когда цена на белый так взлетела, заниматься каким-то новой, пока ещё неизвестной дурью? Разве можно отвлекаться, когда рынок ганжи под угрозой? Ты помнишь, что было с «крокодилом»? Я слышал, что «кофеин» появился совсем недавно. Вполне возможно скоро мы с тобой увидим, как какого-нибудь дурачка увозят на машине с мигалкой, накрытого белой простынёй. – Агаян покряхтел, прочистил горло от хрипотцы. – Нет, Юра. Я считаю, сейчас нам нужно держаться за старое и отлаживать дело, которым мы уже владеем. А «кофеин» мы можем забрать в любой момент. В конце концов – кто главные перекупщики в городе? Мы с тобой.

– Мысль, конечно, разумная. Пожалуй, спорить с тобой я не буду... – Куруз очень, очень сдержанно кивнул. – Наверное ты даже прав... В конечном итоге хорошо все то, что идёт нам на пользу...

Куруз говорил это, а в голове его метались совсем иные мысли: на днях от стукача из агаяновских стало известно, что они нашли поставщика «кофеина» и разгромили его мелкую бандочку. А тот, вот умора, оказался простым ни к кому не привязанным барыгой! Агаяновские взяли повара и

теперь держат его на какой-то хате. «Ах ты, говнюк! – подумал Кутуз, сохраняя вежливое выражение. – Ах ты гадина! Думаешь меня обмануть?! Хочешь всё забрать себе?! Хрен тебе! Я всё это ещё к себе оберну...»

Агаян не отводил взгляда от Кутуза и тоже выдержанно улыбался. И его мысли были так же далеки от выражения на его лице, как чёрное далеко от белого. «Давай, давай. Выспрашивай! – думал он. – Прощупывай, собака одноглазая. Я уже где надо подсуетился. Поздно тебе! Сколько лет терплю тебя, шакала вонючего! Ну ничего. Теперь-то всё станет по-моему...»

В дверь снова постучали и после разрешения вошла прежняя девушка. На сгибе её локтя приплыл поднос с напитками. С этого момента настал конец серьёзным беседам. Оба особенных гостя ресторана «Ivory» как-то одновременно решили, что оставшееся время можно провести за пустой и ни к чему не обязывающей болтовнёй. Да и никому из них не было нужды следить за часами.

В этот вечер они попрощались друг с другом с тёплыми пожеланиями удачи и успеха, пообещали каждый выполнить свою часть дел, и каждый уходил с твёрдым решением: самому – возвысится, другого – уничтожить.

Глава 4

Женщина в форме.

Стройная женщина вышагивает по коридору. Её тёмная служебная форма ярко контрастирует с белыми длинными локонами, подпрыгивающими на её приподнятой груди. Ростом высокая. Кожа её персиково-белая, а губы розовые и слегка припухлые. Голубые глаза блестят, как самоцветы. Три звезды на двух красных полосах на погонах отсвечивают золотом. Стук каблуков разбегается эхом, заставляет обращать внимание каждого. Женщина идёт и сама с интересом поглядывает на сослуживцев, то и дело косящихся на неё... а иногда и прячущих взгляды.

Ещё совсем недавно, когда три месяца назад Анна пришла сюда, отношение к ней установилось, мягко говоря, не дружелюбное. Даже враждебное. Конечно, не у всех, но те, у кого что-то зависело от прошлого начальника, ожесточились не на шутку. Ещё бы: женщина, да с такой внешностью, вызвала сильное недоумение. Её предшественника, большого друга мера и некоторых других важных людей новость о смещении ошарашила, а его приятелей встревожила. И само собой про нового начальника в юбке быстро стали расходиться слухи, каким образом она должность получила... Но очень скоро многие почувствовали, возможно, впервые за свою жизнь по-настоящему ощутили, что значит оказать-

ся под каблуком. Анна не пощадила никого. Она прижала хвост всем, кто мог бы хоть что-то пискнуть против или хоть как-то ей навредить. У многих затрещал хребет, а под ногами захрустел лёд. Спустя совсем немного времени все поняли, что ситуация вовсе не похожа на анекдот. Совсем наоборот!

Капитан Аксёнов, бывший помощник старого шефа, активно пытался сопротивляться новому порядку – и вдруг застрелился... Ещё один сотрудник, написавший наверх о том, что подозревает по этому поводу нового начальника, сам оказался сослан охранять оленей на Ямал. Двух оперативников из «старой гвардии», что мирно дослуживали свой век и готовились уйти на пенсию, с треском уволили за неподчинение. Над Анной прямо-таки сгустилась туча из проклятий. Она стала ненавистна всем – и честным офицерам, и нечестным. Её красивую, но тяжёлую, как стопудовая гиря, руку у себя на шее ощутили все. Правда, никто уже не желал рисковать и высказываться против новой начальницы, тем более затевать что-то за её спиной. Анна знала, что вселяет ненависть и страх и прекрасно себя в этом ощущала. Это состояние она считала единственно правильным и всячески его укрепляла, постоянно ища повод кого-нибудь наказать.

Сейчас она направляется в свой кабинет после деловой поездки, в которой, правда, не было никакой нужды. Желает

лось просто сунуть кое куда свой нос... Подходя к двери, она обратила внимание на мужчину лет тридцати, с короткой стрижкой и крупным носом на круглом, вечно улыбающемся лице. На его погонах четыре звезды на красной полосе. И, конечно, эти хитрые глаза...

– Анна Павловна! Здравствуйте! – мужчина поклонился, в его руках сверкнула кожей рабочая папка. – А я вас жду! Есть важный вопрос, Анна Павловна...

Полевайкин Иван Владимирович давно уже стал правой рукой Решетниковой. Хотя формально заместителем её является другой человек, Иван давно уже стал тенью и хвостом новой начальницы. Где бы он ни появился, чем-бы ни занялся – все знают, чей интерес он преследует.

– Здравствуй, Ваня, здравствуй... – без особой теплоты, но и без грубости поприветствовала она. – Идём в кабинет. Подальше от лишних ушей...

Комната, ещё три месяца назад переданная новому начальнику, всё ещё хранит следы прежнего хозяина: на шкафу красуется статуэтка Петра Великого, явно привезённая из Питера. На подоконнике зеленеет папоротник, за которым хозяин внимательно ухаживал и лишь по растерянности не забрал. Всю технику, однако, Анна поменяла. Компьютер, принтер и даже электрический чайник. Даже удлинитель! Сама себе она объяснила это брезгливостью и желанием новизны.

– Ну выкладывай, – Анна уселась в кресло у компьютер-

ного стола, закинула ногу на ногу. – Что, небось, про Короглу нашего новости?..

– Да, про него, – Иван подобострастно кивнул. – Как вы и приказали, его сразу взяли в разработку и надавили так, что любое гестапо позавидует.

– И...

– И... до сих пор он не дал никаких сведений, – Иван двинул плечами, выражение лица у него стало виноватым. – Но не беспокойтесь, Анна Павловна! Я точно уверен, что он скоро не выдержит и всех сдаст!

– Не кормить, – распорядилась Анна деловито, словно ветеринар рассуждает о собаке. – Спать не давать. Если будут проблемы с адвокатами и прочим говном, возмущённых сразу пуляй ко мне.

Иван с подчёркнутой выразительностью кивнул, чем вызвал у Анны ассоциации с театральным артистом. Глядя на подчинённого, она сухо спросила:

– Что-то ещё?..

– Нет, – Иван сконфуженно почесал затылок. – Разве что... да нет, неважно. Сами...

Из кармана его донёсся звонок.

– Извините! – Иван спешно достал телефон и поглядел на экран. – Наверно, важное что-то... Это Бочкарёв с изолятора.

Анна кивнула и стала рассматривать покрашенные ногти. Хотя взгляд её обратился на маникюр, уши цепко ловили

разговор.

– Да... – Полевайкин кивнул, словно говорящий стоит с ним в одной комнате. – Да... Да ты что...

Лицо его побледнело, глаза округлились. Дыхание засбоило, лоб покрылся холодным потом. Анна скосилась на него, но сохранила подчёркнутое спокойствие. Когда Иван опустил трубку, она спросила:

– Что?..

– Этот Коруглу... его мёртвым нашли. Кто-то ему голову проломил...

– В изоляторе?! – брови женщины взлетели, как испуганные птицы. – Под охраной?!

– Ну да... – Иван пожал плечами, не зная, куда спрятать глаза.

– Ха! Занятно! – Анна хлопнула ладонью по подлокотнику и перекинула ноги. – Весьма занятно! Кто там в изоляторе старший? Кажется, Фоменко... Что ж, Фоменко – ты сам себя угробил...

Иван стоял перед рассуждающей вслух начальницей и не смел пошевелиться. В такие моменты он чувствовал острое желание прикинуться светильником или слиться со стеной, за что иногда до глубины души себя приизирал, однако поделаться с этим ничего не мог.

– Конец тебе, Фоменко... – Анна покивала сама себе. – Ну а до суда, может быть, дело и не дойдёт...

– Будут ли для меня какие-то поручения? – подал голос

Полевайкин, чувствуя бегающих по спине размером с мадагаскарских тараканов мурашки.

– Нет, – Анна помотала головой. – Если ты об этом идите, то забудь. У меня есть для тебя другое дело... Ты меня слушаешь?

– Конечно, Анна Павловна!

– Хорошо. А то что-то ты какой-то бледный... – Анна внимательно присмотрелась к переминающемуся с ноги на ногу подчинённому. – Пойдёшь сейчас к Озерову и попросишь его в мой кабинет. Мне не важно, где ты его найдёшь, но в ближайшее же время он должен стоять у меня с двумя делами: по Агаяну и по Кожемякину. Ты меня понял?

– Так точно! – Иван резво кивнул и даже чуть было не отдал честь. – Только Озеров уехал в деревню к матери, так как отпуск у него...

– Это что-то меняет?.. – взгляд Анны стал подозрительным.

– Ничего! – выпалил Иван бодро. – Постараюсь всё исполнить как можно скорее!

– Тогда вперёд! – Начальница сделала величественный жест ладонью. – К победе!

Иван снова кивнул и, сделав разворот на каблуках, устремился к выходу. Анна проводила его взглядом, а когда дверь закрылась, закинула ноги на стол и в задумчивости скрестила руки под грудью. Смерть оптовика – это пустое, хотя конечно жалко терять и такую ниточку. Предстоит сделать

ещё много, очень много важной работы. Нужно взбаламутить массу народа. Анна уже наступила на горло многим, хорошо устроившимся при старом раскладе... а придётся обидеть ещё больших! Без грязи не обойтись... Разумеется это опасно... Но! С её партнёром... С его возможностями... С его связями... Уже давным давно Анна перестала бояться кого-либо вообще. Ещё пять лет назад в Сызрани, где она служила капитаном и ловила всякую шушеру, она познакомилась с человеком, который сделал ей предложение, от которого ужасно не захотелось отказываться. С тех пор человек этот имеет всё, что можно иметь, когда в рядах полиции есть свой, а Анна получает звёзды и повышения, продвигается его силами, его деньгами и хитрыми манипуляциями, в выборе которых он не страдает брезгливостью. За короткое время из капитана сызранского отделения, шугающего хулиганов, Анна превратилась в полковника в одном из самых важных и тёплых кресел Самары. Циничные, хитрые. Люди без каких-либо нравственных терзаний – Анна и её новый знакомый ну просто идеально сошлись характерами. За пять лет плотного сотрудничества до постели, правда, дело не дошло, но Анна всегда считала, что если бы ОН захотел – она не была бы против.

Она вскочила и подошла к настенному зеркалу, достаточно большому, чтобы отразить человека в полный рост. Приблизившись, Анна пристально оглядела свою казённую форму и погоны. Ах! Скоро, когда она сделает всё, что от неё тре-

буется, вместо трёх малых звёзд там будет одна большая! Как же это будет прекрасно! Как здорово! Как будут все скрежетать зубами и завидовать! Анна с детства знала, что она создана для великого!..

...В это же время капитан Полевайкин спешно брёл к главному выходу. Сослуживцы старались не задерживаться у него на пути и вообще не подходить. Полевайкина не любили и до Решетниковой, а когда тот стал её бегунком – вообще начали презирать. Однако – что и могло бы значить для Ивана меньше одобрения его сотрудников, так это пыль под его ногами. Ещё когда был маленьким, он уяснил для себя одну простую истину: человек человеку – волк. С этим убеждением он вырос. С ним ложится спать и встаёт. Да, он ненавидим одними... но оценён другими, находящими это убеждение весьма верным.

Выйдя из здания полиции, Иван решил пройти пешком. Да и машину он сегодня оставил дома... Отдалившись на приличное расстояние и оглядевшись – нет ли поблизости знакомых – он достал второй, никогда не показываемый при коллегах телефон и набрал номер по памяти. В трубке прозвучал спокойный мужской голос.

– Да?..

– Вы велели звонить и докладывать, как продвигается дело, – Иван продолжил шагать. Лёгкий ветерок приятно растрепал ему волосы. – Вот я и звоню. Докладываю: Анна вынюхивает на счёт Агаяна и Кутузова... Кожемякина, то есть.

– Ага... – голос сохранил ровный тон. – Хорошо... Молодец, Ваня. Продолжай в том же духе. Мне интересно всё, что она делает и все, кто вокруг неё вертятся. Мне важна любая деталь.

– Мне кажется, она подозревает меня, – голос Ивана прозвучал чуть взволнованно. – Как-то она странно со мной разговаривает...

– За это не волнуйся, – голос в трубке стал тихим, даже убаюкивающим. – Подозревать – одно, а точно знать – совсем другое... Аня работает на меня, а ты лишь мой человек для её проверки. Ты сам понимаешь, что людей проверять необходимо... С этим глупо спорить. Если Аня что и выяснит, я гарантирую, что на тебе это никак не отразится.

– Хорошо! – Полевайкин повеселел, даже дышать ему стало свободнее. – А что на счёт нашего договора?

– Всё в силе разумеется. Аня работает и ты ей энергично помогаешь. Когда дело будет сделано, она пойдёт наверх, а ты сядешь в её кресло...

Полевайкин остановился и кинул взгляд по сторонам. Постоял немного, взглядываясь в прохожих, вроде как для страховки, хотя это было сделано только лишь, чтобы унять разбежавшийся у него в голове поток волнующих мыслей. Иван не смог сдержать возбуждённую улыбку. Ведь со временем он ГАРАНТИРОВАННО станет начальником над всеми, с кем сейчас служит!..

– Ладно, на этом закончим, – решил голос категорично. –

Докладывай обо всём. Звони всегда, когда стрельнёт что-то важное. Не хворай, капитан...

Глава 5

Сызрань-Самара

Уже третий час Никита ехал на электричке «Сызрань – Самара». Мало того, что сам путь занимает два часа, так по дороге ещё и сместили «окно», из-за чего пришлось задержаться. Ноги ноют, спина болит. Безумно хочется пробежаться, подтянуться, отжаться... только бы не сидеть больше на этой проклятой лавке! Лишь пара вещей радует сейчас: это утренний рейс, что значит не придётся искать жильё ночью, да народу едет мало – тесниться, к счастью, не приходится.

Прошло уже несколько недель с тех пор, как Никита сбежал из Новосибирска. Сначала казалось, что ситуация безнадежная и его обязательно поймают. Никита ждал последнего боя, готовился продать жизнь подороже... но однако ж всё равно продолжал убегать и путать следы. Покупал ложные билеты. Оставлял фальшивые намёки. Приходилось выдерживать изнуряющий темп, проявлять огромные терпение и смекалку. Будь осторожным ВСЕГДА! Прежде, чем что-то сделать – подумать трижды, даже если кажется, что всё хорошо. Никита лавировал, как мог. Путешествовал при помощи приложений о совместных поездках, останавливался на съёмных квартирах, чьи хозяева не задавали лишних вопросов. Всегда пользовался новым именем, никогда не проводил

в одном месте дольше двух суток. И вот, спустя несколько недель такой жизни начала брать своё усталость: душа вымоталась. Начало грызть какое-то противное опустошение. Никита заметил, что начал уж слишком во всём сомневаться, стал по-глупому нервничать. В такие моменты он спрашивал себя, правильно ли поступил... и всегда отвечал себе, что после убийства отца перед ним встало только две дороги – жить и умереть, как овце, или жить и умереть, как льву. Для человека гордого – выбор без выбора.

Путь начал подходить к концу. По динамику громко объявили конечную остановку. Люди зашуршали сумками, зашаркали к выходу подошвами. Никита закинул за спину рюкзак – всё, что у него осталось – и присоединился к толпе.

Уже дней пять, начиная с Уфы, в его голове крутилась навязчивая идея: остановиться в крупном городе, сделать новые документы и исчезнуть, свалить за кордон. Это значит, что надо в незнакомом месте без всяких связей найти человека, который такие документы сделает. При этом никому не сдаст и не обманет. Найти на это деньги... А ведь запасы уже подходят к концу: всё, что за жизнь было скоплено, обратилось в наличность и к сегодняшнему дню почти истаяло. Скоро в карманах останутся лишь дырки... Нельзя и попасться на глаза кому-то, кто способен опознать особо опасного преступника, фоторобот которого крутили по всем каналам страны. А репортажи были, да ещё какие! Убийца невинных! Маньяк! Бандит с большой дороги!.. Ещё в пер-

вые дни, каждый раз, когда по телевизору всплывал сюжет про массовое убийство в Новосибире – тут журналисты иногда путались: то сообщали, что дело было в пригороде, то в коттеджном посёлке вне города – каждый раз Никита закусывал губы и до боли сжимал кулаки. Слава богу камер в доме не было, а единственная, находившаяся на улице, сняла его плохо! На фотороботе преступника если и можно было узнать, то с трудом. У Никиты также не было сомнений, что на его прошлой службе всем ясно, кто главный виновник этой кутерьмы и каков его мотив. Самостоятельное увольнение за несколько дней до случившегося, последующее исчезновение... Полиция уж точно знает, кого искать.

Электричка замедлила ход. Спустя несколько секунд неприятно скрежета она с толчком остановилась. Двери разъехались, народ хлынул наружу и побрёл в сторону переходов. Как вылез, Никита сразу бросил взгляд к голубому шпилю вокзала: на большом круглом циферблате стрелки отмерили десять минут десятого. Самарский вокзал приятен глазу. Аккуратен, красив. Его конструировали явно с любовью: никаких острых линий. Всё гладкое, обтекаемое. С отделкой цвета неба.

Пройдя по подземным переходам и добравшись до автобусной остановки, Никита задумался: пойти в закусочную и там с телефона выбрать квартиру, или купить еды и сделать то же самое в парке. Склонность к свежему воздуху и природе победила и Никита решился спросить, как добраться до

ближайшего парка.

– А тебе какой парк нужен, сынок? – поинтересовалась бабушка в расписном платке, скрывающем волосы.

– Да любой, бабуленька. Какой самый близкий?

– Ну, тебе тогда сквер Высоцкого нужен! Он на пересечении Ленинградской и Самарской находится. Вон, кстати, маршрутка идёт. Садись на неё. У контролёра спросишь, где выйти...

Никита горячо поблагодарил старушку и прыгнул в автобус. Дорога заняла совсем немного времени, и когда он сошёл, пред ним и в самом деле оказался сквер, что значит парк, только меньше, с деревьями, лавочками и дорожками и со всякими архитектурными украшениями. Купив в ларьке пиццу, Никита уселся на спрятавшуюся под раскидистой ивой скамью. Откусив кусок от пиццы, он было потянулся к телефону, но решил какое-то время просто отдохнуть. Сидение на природе в отличие от сидения в электричке не несёт негатива. На свежем воздухе вообще можно провести весь день, даже если у тебя куча дел – и только на пользу пойдёт. Да и последние несколько дней всё не удавалось хорошо выспаться. Постоянно приходилось суетиться, срывать с места... Никита откинулся на спинку и протянул расслабленно ноги.

В какой-то момент он почувствовал вблизи шевеление. Правую руку кто-то трогает, поднимает её и пытается выпутать из лямок рюкзака. Открыв глаза, Никита увидел ули-

цу, освещённую по-вечернему. Солнце, ещё только минуту назад поднимавшееся над городом, уже стремится покинуть небо. Рядом возится какой-то парень лет двадцати. В грязной одежде, в страшущих полосатых кроссовках, какие были популярны в середине нулевых. Лицо измотанное и худое, на левом виске красуется чёрная татуировка толи змеи, толи китайского дракона. Парнишка пытается высвободить рюкзак, так неудачно лежащий под рукой глупого туриста. Внезапно пальцы на этой руке сжались, разом похоронив все воровские надежды взять своё и свалить.

– Чё, рюкзак понравился? – спросил Никита подчёркнуто мирно, его глаза вонзились в незнакомца с пристальностью. – Мог бы попросить хотя-бы, а я, может быть, и отдал бы. Вдруг мне не нужен?..

Парень вылупил на очнувшегося, как мангуст на кобру. Его глаза блеснули молнией! Секунду он глядел, не решаясь шевельнуться – и вдруг замахнулся! Никита разглядел, что во вражеской руке ничего нет, а потому выставил предплечье и отвёл удар, после чего зарядил противнику прямой в челюсть. Бац! Голова парнишки запрокинулась и он повалился на спину, смешно задрав ноги. Никита поднялся со скамейки и вдруг с разочарованием заметил, что уронил пиццу на себя. Видимо, когда заснул.

– Вот же чёрт... Ходи теперь грязный, как неряха...

Не смотря на хороший удар, вор и не подумал сдаваться. Он вскочил и бросился на Никиту с кулаками!

– Эй! – Никита хватил его за грудки и, как тореадор, толкнул мимо себя – парень с маху врезался в лавочку, где неуклюже перевесился и повис на спинке, будто пьяница. – А ну успокойся! Я кому сказал?!

Видимо, до паренька доходит плохо. Или от первого удара в голове у него помутилось – он начал новую попытку встать! Никита понаблюдал, с каким трудом парнишка поднимается на ноги, как натужно сжаты его зубы, как набухли на его висках вены... Однако, можно биться на спор, злобы в глазах его почему-то нет. Никиту это даже удивило: он столько повидал за жизнь озлобленных глаз, что мог бы считаться по этому вопросу экспертом.

Парнишка метнулся в попытке ухватить противника за одежду! Никита уже знал, что сделает, чтобы окончательно сбить с наглеца спесь... однако тут перед ним встала страшная картина: на них обратили внимание и уже подбегают двое патрульных!

– Твою-то мать! – вырвалось у него отчаянное. – Только не это!

Воришка попытался ухватить «туриста» за воротник, но был ловко сбит с ног. Никита не стал вкладывать силу, лишь обозначил удар.

– Полежи тут немного, – бросил он изумлённому противнику и скопился на приближающихся полицейских. – Отдохни. А мне пора!

Никита так надал, что ноги взвыли от усердия. Мышцы

предательски заболели, но Никита сжал зубы и побежал ещё быстрее: вдруг среди патрульных хороший бегун? А если рядом их машина с парочкой свежих ребят? Быть пойманным, пусть даже по мелочи, означает смерть. Никита не оглядывался и бежал, куда глаза глядят. Если бы это был Новосибирск... но это Самара, и он бежал, полагаясь на только удачу и глаза. Легкие нагрелись, стопы почувствовали, словно бегут по раскалённой сковородке. Вроде бы сзади не слышно топота... Может всё обошлось? Велико же было Никитино удивление, когда рядом, как стрела, пронёсся тот самый воришка, минуту назад оставленный полицейским на добычу! Он пролетел, словно ошпаренный, а выражение его лица было, точно он несётся от тигра!

– Совсем сдурел?! – Никита с трудом прервал дыхание. – Ты чего бежишь за мной?!

– Да я и не за тобой! – Парень будто оскорбился. – Ты сам бежишь! А я... Я сам!

Ответить было нечего. Никита плюнул и в следующий миг поддался искушению оглянуться – наворачивая ногами, словно колёсами, за ними бегут те самые патрульные! Мало того – они догоняют! В голове Никиты вспыхнула идея. Посмотрев в спину вырвавшегося вперёд воришки, он пристроился ему в хвост и побежал, стараясь не привлекать внимания. Если этот хулиган местный, то уж он-то точно знает, как скрыться, верно?.. Верно. Парень принялся плутать междомам. Явно не впервые в этих закоулках. Патрульные уже

почти догнали, даже стали грубо что-то кричать, чем только сбили дыхание. Вскоре они потерялись за очередным поворотом.

Парень и не думал останавливаться, всё вилял и вилял. Никита тянулся следом. Спустя ещё минут пять изматывающего спринта они остановилась в переходе между домами. Оба хрипящие, едва держащиеся на ногах. В насквозь промокшей от пота одежде. Оба настороженно глядели друг на друга и одновременно по сторонам, чтобы рвануть, если что вдруг. Никита первым отдышался и выпрямился, убрал ладони с трясущихся коленей. Воришка сосредоточил взгляд только на нём. Грудь его всё ещё ходит ходуном, он хрипит и дышит через рот.

– Неплохо ты бегаешь... – произнёс Никита нейтрально. – Поди, в школе все соревнования по бегу выигрывал?..

В глазах парня мелькнуло изумление, но он нагнал на себя серьёзности и выпрямился в полный рост. Задышал через нос и грубо спросил:

– А тебе-то что?..

– Да знаешь... Не каждый день доводится вот так побегать. – Никита улыбнулся с хитринкой. – Было весело, согласись!

Парень ответил мрачно:

– У нас явно разные представления о веселье. Если бы я попался – мне бы пришёл конец... Ладно, я вижу, ты не лох и за себя постоять умеешь. Не суди, что полез за твои-

ми шмотками, просто обстоятельства так сложились. – Он отвернулся и пошёл прочь. – Не злись на меня, я просто человек в сложной жизненной ситуации.

Несколько долгих мгновений Никита глядел в его удаляющуюся, мокрую от пота спину, и вдруг неожиданно для себя крикнул:

– Стой! Тебе же ведь деньги нужны, верно?!

Парень остановился. Оглянувшись, он скептически обронил:

– А кому они не нужны?..

– Ты прав, деньги нужны всем! – согласился Никита поспешно, сам ещё не до конца понимая мелькнувшую у него мысль. – И мне в том числе. Просто... как ты выразился, бывают обстоятельства... Мне и самому никому нельзя попасться. Я не местный, города не знаю. А ты знаешь. Ты мог бы мне помочь, а я бы тебе немного заплатил...

Парень поглядел на Никиту с подозрением. Кожа на его лбу сморщилась, губы сжались. Брови сошлись над переносицей. Взгляд выразил явное сомнение. После паузы он произнёс:

– Знаешь, друг... Какой-то ты мутный. Я у тебя хотел шмотки стырить, а ты про какую-то помощь говоришь. И что, кстати, за помощь?.. Ты странный, а я странностей не люблю.

– Наоборот! – возразил Никита горячо. – Никаких странностей! Клянусь! Не знаю, можно ли меня назвать бродягой,

но сейчас я в пути, и пока не знаю, где и как мой путь окончится. Я в розыске по громкому делу, что недавно произошло в Новосибе. Ты мог о нём слышать...

От внезапной откровенности глаза воришки стали широкими, как блюдца. Рот его открылся, как у рыбы. Он даже сделал шаг назад, будто надумал сесть на несуществующий стул. Всё-таки чувствуя некоторый нервоз от того, что раскрывается, но уже и понимая, что останавливаться поздно, Никита продолжил:

– Меня хотят поймать многие. И полиция – далеко не в первую очередь! Положение моё – пан или пропал, как говорится...

– Зачем ты мне это говоришь?! – зашептал парень свирепо, стараясь, однако, громко не голосить. – Ты что, больной?!

– Может и больной... – Никита пожал плечами. – Сам я себя считаю вполне здоровым. Мне показалось, что с тобой можно поговорить. Ты извинился за свой поступок и объяснил, что такая твоя ситуация, хоть и не стал вдаваться в подробности. Ты хотел украсть, но ведь ты сам не вор – наверное, у тебя просто проблемы? Жизненные сложности? Со всеми бывает...

– Э-э-э... Ну-у-у...

Вор растерялся не на шутку: он глядел на Никиту, изучал его, пытался понять его мимику, раскусить хитрость, но лицо «туриста» выглядит честным, как дневник отличника.

Странно... Ох, странно... Ну неужели этот человек говорит такое?! Нет, чтобы говорить подобное, да ещё чужаку, нужно сойти с ума, или...

– Ты, наверное, думаешь, что у меня крыша поехала? – Никита понимающе улыбнулся. – Нет, не поехала. Не знаю, что там у тебя не так с законом, но думаю, что ты не серийный убийца, не маньяк и не растлитель малолетних. Это значит, что мы могли бы сработаться.

– Можешь не сомневаться! – заявил парень горячо, его лицо в мгновение побагровело. – За мной гнилья не водится!

– Так вот и я не из... этих. – Никита положил ладонь на грудь. – Я не насильник, не педофил. Я не обижал невинных и не брал ничего чужого. Я... лишь отомстил за своего отца людям, которые его убили. Я не стал терпеть – пошёл и отомстил. Теперь я в бегах и меня разыскивают... Так вот что я подумал: помощь такого человека, как ты, могла бы мне пригодиться. Я заплачу хорошо, ты не пожалеешь. Ну а деньгами ты и себе поможешь. Или я не прав?..

– Эх, мужик... – парень безнадёжно отмахнулся. – Точно ты не в себе, раз такие подробности выкладываешь! А что касается меня – тут одних денег мало будет, хоть сто миллионов возьми... Ну да не твоё это дело. Нет, не твоё... – Он помотал головой и снова повернулся к Никите спиной. Бросил через плечо: – Я ухожу. Ты меня не видел, я тебя не знаю. Разошлись, как в море корабли. Всё! Гуд бай!

Сказал и ушёл, не задерживаясь. Никита проводил его

взглядом и немного постоял в задумчивости. Тяжко вздохнув, он поглядел на свои руки – и тут, словно молния, страшная мысль поразила его! От потрясения он даже закрыл глаза и опёрся о стену, чтобы не упасть.

– Боже мой... – еле вышептал он. – О господи... только не это... Только не это! Нет! – Мысли его вспорхнули и растерялись, как стая встревоженных птиц. – Так-так-так, ага... – Никита схватился за голову. – Так, спокойно! Без паники! Ещё не всё потеряно...

Прошаркали шаги. Никита тут же принял непринуждённую позу, насколько вообще может выглядеть непринуждённым человек в мокрой, резко воняющей потом одежде. За спокойным видом он приготовился в любой момент бить или бежать – мышцы насторожились в ожидании команды. В проходе показался тот самый воришка, минуту назад так категорично распрощавшийся и ушедший. По стенам прокатилось эхо урчания из его живота: там словно бы запели киты! Пусть и с напускной жёсткостью, лицо его всё же выдавало обыкновенное любопытство. Увидав его, Никита чуть растянул губы и отпустил как-бы в шутку:

– Что, за наградой пришёл? Так за меня много не дадут...

– Ты сказал, что тебе нужна помощь. Ну, просто, типа, местного что ли?.. – Парень старался говорить на пределе безразличия. – Просто по городу пройтись? Или как?..

Никита ответил с деловым спокойствием:

– Типа того. Спросить там про всякое. Поинтересовать-

ся...

– А сколько платишь?

Повисла пауза.

– Зависит от того, как помочь сумеешь. Ну а вообще...

– Никита пожал плечами. – Если я свои проблемы с твоей помощью решу, то деньгами не обижу. В разумных пределах, конечно же...

– Так... эм... – Парень замаялся, его пальцы нервно сжались и разжались в кулаки, кадык скакнул вверх-вниз. – И каковы же эти пределы?..

– Ну... – Никита почесал затылок, ещё раз оценивающе пригляделся к парнишке, его поношенной одежде, ветхой обуви. Внимательно изучил голодное лицо. – Скажем... тысяч тридцать тебя устроит?

– Тридцать тысяч? – парень недоверчиво скривился. – За работу гида? В самом деле?..

– За важную информацию... – Никита важно поднял указательный палец. – Ты не думай, что я тебя спрашивать буду, где у вас тут Макдональдс находится. Но и ничего совсем уж особого мне не потребуется, не волнуйся. Так... указать на одного, максимум двух нужных людей. Это почти всё.

Воришка прищурился, облизал губы.

– Почти... А что ещё?

– Всего ничего, – Никита улыбнулся. – Надо будет мне где-то остановиться на пару дней. Думаю, что переночую я у тебя.

Парень медленно кивнул, опустил взгляд и прижал пальцы к губам. В этот момент подул свежий ветерок и Никита вздохнул свободнее – запах пота уж больно назойливо лезет в нос, неприятно напоминает о погоне.

– Ага... – парень покачал головой. – Ну и даёшь же ты, мужик... Откуда ты такой вылез? Мы знакомы от силы пять минут. Я попытался умыкнуть твои шмотки да вместе мы от ментов убежали, а ты общаешься со мной, словно мы друзья. Не глупо ли с твоей стороны? Не слишком ли доверчиво?..

Никита выслушал это с твёрдым спокойствием.

– Не глупо ли, спрашиваю?! – повторил парень громко. – Ты ведёшь себя наивно!

– Знаешь... – вымолвил Никита сдержано, – мой отец служил в полиции. Я тоже служил. Только он работал через документы, а я всё больше через оружие и кулаки. Хочешь верь, хочешь нет, но я могу разобраться в человеке за одну минуту. Я столько людей повидал... всяких разных. Врунов, хитрецов, хулиганов, дураков... Умных, смелых, наивных... Весёлых, грустных... Не пересчитать. Чтобы узнать человека, мне не нужно жить с ним год. Достаточно, чтобы он просто раскрыл при мне рот и что-нибудь сказал.

– И что? – парень недоверчиво вскинул брови, – Ты и меня раскусил? Что, уже всё про меня понял?

– Ну, может, не так уж чтоб и всё... – Никита покрутил неопределённо ладонью, – но кое-что могу сказать с уверенностью. И даже если ты будешь отрицать, я всё равно в своём

останусь уверен.

Парень ухмыльнулся, гордо поднял голову. Он расставил ноги шире и вызывающе выпятил грудь.

– Так и что ты обо мне скажешь?..

– Ну... ты мелкий преступник. – Никита примирительно улыбнулся, его взгляд как бы потеплел. – Не обижайся ни на первое, ни на второе, но ты явно не крупная рыба, и уж точно не честный труженик. Я не могу сказать точно, чем ты промышлял – был закладчиком, продавцом, перевозчиком... Но точно что-то из этой сферы. Воровства и грабежей ты не касался. Дальше... – Никита прищурился и ткнул пальцем в сторону воришки. – Ты уж точно не убийца. Нет, может, в качестве защиты ты мог бы кого-нибудь шлёпнуть, но специально за деньги убивать ты не станешь, да и при возможности кровопролития всегда избежишь. У тебя к тому же должны быть какие-то связи... Или нет, точнее, ты наверняка знаешь нужных людей для решения разных вопросов – с кем можно договориться, кого подмаслить и при помощи кого можно что-то проверить.

Парень слушал с напряжением и вроде бы хотел перебить, но так и не решился. Никита следил, как округлились его глаза от услышанного, как дрогнули пальцы на одном слове, как участилось дыхание на другом.

– Ну и главное, – продолжил он с уверенностью, – сейчас ты, дружище, в полной заднице! Твоя одежда либо одолжена у кого-то, либо взята с чьего-то пыльного чердака... а то и

украдена у бездомного! Ты давно не ел, хотя видно, что со сном проблем не имеешь. Ты, я думаю, прячешься, как и я, от людей, что могут схватить тебя и... навредить.

Никита смолк и упёр кулаки в бока. Этот жест мог бы показаться высокомерным, но у него получилось очень даже скромно.

– Если я где-то не прав, то ты поправь, я не против, – разрешил он.

Новый знакомый разинул рот, как громом поражённый. Хотя он и попытался изобразить спокойствие, но лицо его стало, как у ребёнка, которому показали волшебный фокус. Никита заметил себе, что совсем забыл про его возраст: молодые всегда впечатлительны, на них легко произвести эффект.

Несостоявшийся воришка сконфуженно протянул:

– Ну-у... половину этого я и сам тебе рассказал... Хотя, признаю, ты кое-что в самом деле угадал. Не совсем точно, конечно. Но близко, ага...

– Дружище! – Никита сделал шаг навстречу. – Я не могу терять время! Думаю, на счёт тебя я не ошибся, но если ты пас, то я пошёл. У меня дело горит! Меня зовут Никита. – Он подошёл к парню вплотную и протянул ладонь. – Либо называй своё имя и соглашайся, либо мы расходимся. Решай.

Парень взглянул на протянутую руку, потом перевёл взгляд на лицо такого необычного, выбивающегося за все рамки незнакомца. Сделав так несколько раз, он тяжело

вздыхнул, приложил пальцы ко лбу и, крепко зажмурившись, помассировал его.

– Если ты попытаешься меня кинуть, то сильно об этом пожалеешь... – Он снова открыл глаза. – Ты не смотри, что справился со мной. Я обид не прощаю!

Никита молчал и глядел прямо. Парень взял его ладонь и сжал даже сильнее, чем можно было бы от него ждать.

– Меня зовут Паша.

– Да-а-а... Беда не приходит одна... – прошептал Паша, выглядывая из-за угла. – Нет, им там что – мёдом намазано? Какого чёрта они там трутся?..

Никита лишь скрестил руки на груди и оперся плечом о стену дома, за которым они спрятались. Рядом, в каких-нибудь ста шагах у забора одной заброшенной деревянной избушки стоит патрульная машина, а вокруг неё пятеро мужчин в форме. И они травят анекдоты!

– Они должны улицы патрулировать, а не на месте торчать! – не унимался Паша, и вправду, по-видимому, разозлённый бездействием служивых.

– Закон подлости ещё никто не отменял... – произнёс Никита философски. – Нам вообще крупно повезло, что ты умудрился схватить рюкзак, когда драпал. Я вот не схватил... И повезло вдвойне, что менты не заметили, куда ты его кинул.

– Много ли тут везения? – Паши приподнял бровь. – Бе-

жать с рюкзаком на руках задача та ещё. Я просто, когда момент нашёл, швырнул его, куда попало! Скажи и за то спасибо: мог бы и ментам под ноги кинуть...

– Спасибо, – произнёс Никита честно. – Иначе искал бы я сейчас пятый угол...

Паша вздохнул и ещё раз выглянул за стену. Собрание служивых расходиться и не думало.

– Блин, ещё и встали именно около этого забора! Будто знают...

– Не думаю, что это засада, если ты об этом, – рассудил Никита с сомнением. – Никто не будет заниматься подобным ради парочки хулиганов...

– А что там у тебя в рюкзаке? – Паша взглянул на нового «друга» с любопытством. – Нам что, в самом деле обязательно его доставать, так рискуя оказаться в крестах?

– Оказаться в крестах?.. – Никита усмехнулся. – Что ты имеешь ввиду?

– Ну, мы же рискуем присесть... – взгляд Паши стал неуверенным, в нём застыл вопрос. – Если я загремлю хотя бы в обезьянник – всё, мне кранты...

– Знаешь, у выражения «оказаться в крестах» есть два смысла, и оба они нам ну никак не подходят. – Никита помотал головой. – Для первого мы должны покрыть себя вечной славой и увешать всю грудь «Георгиями». Для второго... эм... быть, так сказать, в авторитете...

– Много будешь знать – плохо будешь спать. – Лицо Паши

стало недовольным. – Без тебя знаю, что есть что.

– Ну, раз эрудиция тебя не интересует, то отвечу просто. – Никита стал холоден, прямо в секунду превратился в айсберг. – В рюкзаке важные вещи, которым нельзя оказаться в чужих руках: симка, блокнот с записями, всякое личное... Всё покрыто моими отпечатками. И я ещё забыл выкинуть билет на электричку за сегодняшнее число. Как понимаешь, рюкзачок – настоящий подарок для ищущего...

– Да уж, – Паша почесал затылок. – Ну ты даёшь... Так прошляпить своё барахло...

– А то не единственно моя заслуга. Мне помогли... – Никита с хитрой ухмылкой прищурился. – Но мы в любом случае должны забрать его, а потом... потом пойдём к тебе. Где ты там обитаешь?.. На улице уже ночь почти.

На улице и правда потемнело и уже скоро должны будут включиться фонари. Паша смолчал, тихо продолжил глядеть за угол и озираться по сторонам. Внезапно он радостно вышептал:

– Есть! Кажется, уходят! Наконец-то, вашу налево! Я уж думал они ночевать там останутся!

Никита подошёл к углу и выглянул: патрульная машина уехала с большей частью служивых, а двое оставшихся не торопясь сейчас шагают прочь.

– Значит так, – тон Никиты стал командным. – Мы выждем ещё пять минут, потом быстренько пойдём туда и достанем рюкзак. Вопросы есть?

– Есть конечно, – ответил Паша серьёзно. – Кто полезет за забор?

Никита замешкался, в вопросе ему послышался подвох. Но решать с ответом надо быстро.

– Вот кто рюкзак туда кинул, тот пускай и лезет, – рассудил он авторитетно. – А я прикрою в случае чего...

– Это в случае чего ты меня прикроешь?.. – удивился Паша с издёвочкой. – В случае, если на нас бабка какая орать станет, или на меня бомжи из той развалюхи кинутся?

Лицо Никиты стало серьёзней, чем у памятника Жукову.

– Если кинутся – визжи как можно громче, для меня это будет знаком. Главное, сперва рюкзак мне швырнуть не забудь...

Сказано – сделано. Они подошли к забору и Паша стрижом слетал туда-обратно. Даже понервничать не заставил.

– На сегодня приключений хватит, – Никита поглядел на часы: цифры показали без четверти десять. – Веди домой, Паша. Отдыхать будем.

«Домой» сразу не получилось. Паша наотрез отказался продолжать, пока Никита не закупился продуктами так, что ручки пакетов от тяжести режут пальцы.

– Зачем тебе столько колбасы? – поражался Никита, когда они шагали с раздутыми сумками. – И курицы мы три купили! Это много слишком! Она испортиться, пока мы до неё доберёмся!

– Не бзди, – Паша сохранил серьёзность. – Тут не всё нам. Кое-что, включая птицу, я отдам соседке – в уплату за жильё.

– Это любопытно... – протянул Никита озадаченно. – Ну ладно. Хозяин – барин...

Через десять минут, посреди района, и так бедного на небоскрёбы, вырос двухэтажный деревянный домик в виде квадратного терема. Никита с интересом взгляделся в эту хилую постройку – в детстве он жил в такой же, когда отца командировали в кой-то провинциальный городок.

– Вот мы и дома... – Паша остановился перед облезлыми дверьми. – Следуй за мной и не шуми.

Словно бы приготовившись, он двинулся шагом, полным непринуждённости, однако Никита приметил, как перед каждым углом и лестницей Паша на кратчайший миг замирает и вслушивается, как испуганный заяц. Под ногами поскрипывает, в углах колышется тенёта. Деревянные стены как и деревянный пол кричат старостью. Всё под слоем выцветшей, давно облупившейся краски. Квартирные двери тоже деревянные, лишь одна оказалась стальной. Паша поднялся на второй этаж, прошёл до конца и направо. В его руках появился ключ, похожий на маленький двусторонний топорик.

– Проходи и присаживайся на кухне. Я сейчас подойду, – сказал он, отходя с прохода. – Дай мне вот этот пакет, а этот оставь. Это нам.

Никита молча повиновался и зашёл в квартиру – насто-

ящий оплот бедности и ветхости. Обои выцветшие, мебель вековая. Нос щекочет пыль. И трубы ржавые и будто бы грязные. Чтобы не унывать, Никита решил порадоваться тому, что в доме есть водопровод и хотя-бы не придётся бегать за водой на колонку. А вот туалета с ванной не видно...

В коридоре послышался стук, скрип отворяющейся двери и шамкающий старушечий голос:

– Пашенька, здравствуй...

– Здравствуйте, Ольга Николаевна. Как ваше здоровье?.. Я вам тут гостинцев принёс. Вот, давайте занесу...

Никита не стал слушать и, разувшись, прошёл на кухню, где пылится шкаф с посудой, висит умывальник и квадратный стол под драной скатёркой чуть шатается. «Ну, опять же, лучше мусора меньше, чем больше» – подумал Никита, усаживаясь.

Долго ждать не пришлось. Через минуту Паша зашёл и с ходу забросил ветровку на вешалку. Кроссовки, правда, аккуратно поставил возле коврика у двери. Оглянувшись он произнёс:

– Чувствуй себя, как дома. Можешь ходить свободно, всё равно ничего ценного тут нет. В соседней комнате диван и кровать. На кровати сплю я. Телевизор ничего не показывает, только первый канал.

Никита кивнул и принялся за продукты. Шурша пакетом и выкладывая на стол содержимое, он обратился:

– Паш, поставь, пожалуйста, чайник.

Паша поставил, после чего разложил тарелки, достал приборы и уселся напротив гостя. После нехитрых приготовлений началась трапеза. Не увидев холодильника Никита отметил себе на будущее ничего скоропортящегося не брать. Паша ел аккуратно, хотя было здорово заметно, насколько же он голоден. Лишь медленный ритм соседа заставлял его держать себя в приличии. Никита откусывал по чуть-чуть и кидал взгляды по сторонам, а когда чайник скипел – сам подошёл и выключил газ. Когда заваривал пакетик, он спросил:

– Дай угадаю. Эта соседка – твоя школьная учительница?

Паша невольно хохотнул. Кусочек хлеба выпал у него изо рта и некрасиво шлёпнулся на пол. Покраснев, Паша глянул на Никиту с осуждением и помотал головой.

– Нет. Меня в школе учителя не любили. Это старая начальница моей мамы, ещё со времён, когда я, да, и в самом деле ходил в школу. Ещё в начальную. Она всегда ко мне хорошо относилась. А... что у тебя за интерес?

– Да так... – Никита двинул плечами. – За спрос ведь не бьют. Простое любопытство.

– Любопытной Варваре на базаре нос оторвали, – Паша сделал лицо непроницаемо каменным, но через мгновение не выдержал, прыснул от смеха. – Шутка!.. – Тут он вдруг смутился. – Извини, Никит, нервоз нерв точит. Не обращай внимания...

Никита многозначительно кивнул и взял второй бокал.

– Тебе налить?

Паша согласился и они стали пить чай.

– Слушай, – Паша хлебнул кипятка. – Никит... эм... Такое дело...

– Ну...

– Тебе в чём помощь-то конкретно нужна? Давай разложим, как это говорят, по пунктам. Ты же понимаешь – мы друг другу не товарищи. Я тебе помогаю немножко, ты мне платишь – и всё, разбежались в разные стороны.

– Толково судишь... – Никита задумчиво кивнул. – Да, ты прав. В общем-то, почему бы вот так не взять сейчас и не обсудить всё за столом? – Он прочистил горло, его взгляд без интереса скользнул по закускам. – Мне, Паш, документы нужны. Нужно уехать из страны, свалить за бугор. Иначе рано или поздно меня выцепят и я погибну смертью храбрых.

– Смертью храбрых?.. – Паша невольно усмехнулся.

– Ну а как же? – у Никиты поднялись брови. – Живым сдаваться мне нельзя. Если достанут меня новосибирские – это смерть сто процентов. И скорее всего мучительная. Лучше уж погибнуть в бою и продать жизнь подороже. Если полиция будет захватывать – всё то же самое, только придётся отбиваться уже от ментов, а там ведь далеко-о-о не все мусора. Большой частью это всё-таки нормальные, порядочные люди. Жалко их...

Паша саркастические заметил:

– Твоими бы устами, да мёд пить... Так и что? Какие корки тебе нужны? Паспорт? Загранка? Водительские права?..

– Смекаешь, – Никита важно моргнул. – По крайней мере паспорт нужен кровь из носу, а остальное можно и потом раздобыть.

Паша взгляделся в Никиту пристально, потом наклонился и с нажимом спросил:

– Ну, допустим, знаю я одного перца, способного тебе помочь... А не боишься, что я или он тебя сдадим? Ммм?

– Ну, всякое может быть... – рассудил Никита невозмутимо. – Но ты вроде бы не похож на зайца с барабаном... Думаю, я всё же готов рискнуть.

Паша уселся обратно, продолжил жевать. Его пронзительный взгляд не переставал ощупывать нового знакомого.

– Поразительная самоуверенность... – произнёс он туманно. – Просто поразительная... Знаешь, я не причисляю себя к умникам, иначе бы я не оказался в той жопе, в которой сейчас торчу. Но даже я не думаю, что стоит быть настолько доверчивым.

– Ты что же думаешь – я доверчив? – Никита сохранил спокойствие. – Нет, Паш, вовсе нет. Просто я, как уже сказал, могу с ходу о человеке многое понять. И ошибаюсь я очень редко.

– Но ведь всего один раз можно ошибиться так, что голову снесёт! – возразил Паша даже громче, чем хотел. – Разве этого недостаточно, чтобы быть осторожней? Разве этого мало?..

– Паша! Завязывай с изумлениями! – отрезал Никита рас-

сержено. – Я уже всё решил, говорю тебе! У меня в таких делах хватает опыта. Я тебе доверяю! Всё! Остальное пусть тебе в голову не лезет...

Паша открыл рот возразить снова, но слова застряли у него в горле. Лицо его залила краска, в глазах разгорелась борьба между желанием сказать что-то острое и плюнуть на всё. Наконец он вымолвил:

– Ай, ладно! Твоё дело... Остаётся только надеется, что ты такой доверчивый только ко мне, потому что другие люди в этом городе... знаешь... им лучше спину не показывать и вообще не доверять!

Никита откусил от вафли. Сделав медленный, очень медленный глоток чая, он спросил:

– Другие люди... Ты имеешь ввиду кого-то конкретного?

Паша тяжело вздохнул, его пальцы с хрустом сжались на бокале.

– Конкретного, ага... Есть тут одна мразь... одна гадина, которой бы я с удовольствием шею свернул!..

Моргнув несколько раз, он словно бы опомнился и поднял на Никиту злые, настороженные глаза.

– Извини, Никит, но это мой вопрос, не твой. О нём я тебе ничего не скажу. Сегодня мы помогаем друг другу а завтра разойдёмся, и не стоит мне посвящать тебя в свои заботы. Тебе же будет лучше.

Никита пожал плечами и сделал новый глоток. В этот вечер они больше ни о чём важном не говорили, а чуть позже,

повозившись с постельным бельём, легли спать.

Во время завтрака Паша написал на листочке имя и адрес: Прохор Александрыч, 7-я просека 8-й проезд дом 111, и дал с указанием отправляется туда после пяти. Этот человек может свести с другим, работающим в паспортном столе. После, даже не допив чая, Паша ушёл «по делам». Не став задавать лишних вопросов, Никита остался в квартире ещё на час... но не усидел, отправился гулять по городу.

Ох, не лучшая идея! Однако ждать в четырёх стенах показалось слишком скучным. Сторонясь главных улиц Никита бродил по окраинам. Осведомившись у прохожего, где лежит эта самая 7-а просека, он поблагодарил его и побрёл в нужном направлении. На дорогу как раз уйдёт несколько часов, можно просто шагать и считать ворон, не задумываться над временем.

Пару раз Никита заходил перекусить в забегаловки, один раз устраивался в парке попить кофе и съесть мороженое. Погода выдалась такая солнечная и спокойная, что о прогулке жалеть нисколечко не пришлось. Когда время начало поджимать, Никита уже шёл по Солнечной – отсюда, по словам местных встреченных, до Седьмой просеки рукой подать. И действительно: стоило только свернуть с асфальта и город с его многоэтажками и несмолкаемым дорожным гомоном потерялся, а вокруг раскинулись дома и сады. Всё красивое, кирпичное. С высокими заборами и деревьями на-

столько раскидистыми, что веток можно коснуться, подойдя близко к ограде. Птички поют...

Позади загрохотало! Отскочив в сторону, Никита обернулся – мимо, поднимая облако тошнотворной пыли, пронёсся чёрный внедорожник. Шумно взрыкивая, он скрылся в том же направлении, куда лежит и путь к сто одиннадцатому дому. За тонированными стёклами не удалось никого разглядеть... Может, это и есть тот самый Прохор Александрович?

Подождав, пока пыль уляжется, хотя и так уже с головы до ног испачканный ею, Никита пошёл дальше. Навстречу попала женщина, ведущая за руку с ребёнком. Оба доброжелательно улыбнулись и прошли мимо. Потом встретила старенькая бабка с вязаной, раздутой от помидоров сумкой. Она тоже улыбнулась удивительно чистыми и ровными зубами. Спустя ещё минут десять наконец-то показался Десятый проезд. Никита свернул направо и пошёл по точно такой же дороге, какая привела и сюда. Если не знать, что это Самара, можно подумать, что бродишь по большой деревне, где дома застраивались не постепенно, а все разом – ровненько, по ниточке, по единому образцу. А может, так оно и было?..

Сто одиннадцатый дом выстроили поодаль от остальных участков. Он оказался ещё и отгорожен стеной пышного кустарника, почти полностью скрывающего его от соседских глаз. Там, как шутка судьбы, как раз и ждал тот самый чёрный внедорожник. Никита встал и внимательно осмотрел-

ся: машина, дом, распахнутая настежь дверь... деревья, окна, лавочка с мусорным ведёрком возле – всё подверглось анализу, запомнилось и спряталось в «особый карман» мозга. Неожиданности, как говорил один хороший сослуживец, могут стоять человеку жизни, а потому неожиданности надо ожидать и быть к ним готовым.

Из дома долетели крик и ругань. Два мужских голоса громко о чём-то препираются, накал спора возрастает. Никита решил подождать, что будет. Скрестив руки на груди, он стал наблюдать.

Спустя минуту грязнейшей брани наружу выбежали двое мужчин. Один молодой, в чёрной кожаной куртке, толстый и накачанный. Стрижка на голове короткая, а морда, как у бульдога. Второй старше первого вдвое, ему лет пот пятьдесят. В домашней майке и трениках. Худой. С тонким лицом и усами, как у Иосифа Виссарионыча.

– Пошёл вон! – крикнул старший, показывая первому пальцем. – Вон, я сказал! Алёну ты не получишь! Понял?! Всё! Катись!

– Щаз ты сам покатишься! – огрызнулся молодой яростно. – Ты чё, думаешь, если ты её отец, я тебя жалеть буду?!

Они вцепились друг в друга и оскалились, как волки. Никита немного растерялся и призадумался: прятаться поздно. Стоять, как дурак, тоже не вариант. Что же делать?..

– Простите, уважаемые! – произнёс он громко, с силой напрягая горло. – Извините за беспокойство, но в чём ваш

конфликт? Может я смог бы как-то помочь?..

Оба оглянулись на него, как на вдруг заговорившее дерево. Молодой поймал момент и рванул соперника на себя, а когда тот упал, принялся яростно его бить.

– Будет, как я сказал! Понял?! – заорал он, брызжа слюной. – Будет, как я сказал!

Худому пришлось совсем туго – вся масса и ярость бугая придавили его к земле и мешают теперь даже вздохнуть. Никита с тревогой заметил, как начали мутнеть его глаза.

– Эй, остановись! – крикнул он взволнованно. – Убьёшь ведь!

Толстяк продолжил мутузить несчастного. И даже ускорился! В глазах его сейчас не нашлось бы и капли жалости. Никита бросился на помощь. Подбежав, он приложил ладони к плечу бугая и с силой толкнул: от неожиданности тот замахал руками и неловко свалился в пыль.

– Ты чего, козёл?! Офонарел?!

– Это ты офонарел! – Никита хмуро кивнул на избитого. – Посмотри, что ты творишь! Взгляни! Он еле дышит!

Лоснящиеся жиром щёки толстяка побагровели. Он позвериному показал зубы, а в его глазах проснулось бешенство.

– А ты кто такой, а?! – слетело с его губ вместе со слюнями. – Кто ты такой, мразота?!

– Может сосед, – Никита отвёл ногу для устойчивости, – а может и просто прохожий. Какая разница?..

– Убью! – толстяк прыгнул с проворством бегемота. – Заваляю урода!

Никита ждал именно этого: он ушёл вправо и выставил подножку. Туша пронеслась мимо и выставленную ногу сдвинула. Она взвыла от боли! Толстяк не удержался и пропахал мордой грязь, как ребёнок, свалившийся с роликовых коньков.

– Смотрите-ка, какой сильный... – Никита пристально уставился на отплёвывающегося противника. Боль в несчастной ноге пульсирует, как пожарная сирена. – Смотрите-ка, какой ловкий... Тебе, дружок, лучше бы не бычить и успокоиться. Глядишь, ещё успеем зятя твоего несостоявшегося спасти...

– Да ты кем себя считаешь?! – бугай снова поднялся на ноги. – Да ты знаешь, с кем разговариваешь?!

На этот раз он не стал бежать, а медленно и угрюмо зашагал, растопырив перед собой толстые потные пальцы.

– Явно с какой-то шпаной, – Никита сжал кулаки и встал правым плечом к противнику. – Или со свиньёй, не знающей приличий.

Толстяк закричал, кинулся и попытался схватить наглеца за воротник. Никита отскочил, увернулся от страшного бокового, снова отскочил, стараясь всё же держаться к врагу поближе. Толстяк напирал и Никита пятился шаг за шагом, изворачивался, как мангуст.

– Чё, очко играет?! – бугай махал кулачищами, стараясь

задеть ловкача хотя бы случайно. – Иди сюда, ссыкло!

– Похоже, тебя всё-таки не образумить... – выдал Никита сквозь частые вздохи. – Извини, придурок, но ты сам виноват!

Толстяк замахнулся снова... но вдруг почувствовал, будто внутри него что-то хрустнуло. Грудь перестала дышать! На его потной рубашке в центре солнечного сплетения появился пыльный след от ботинка.

– Ох... буэ... – выдавил он с натугой. – Что ты за... за баба такая... Даже честно драться не можешь...

– Сейчас я тебе покажу настоящую честность! – Никита подступил к болезненно согнувшемуся противнику. – Видишь мужика, что на земле валяется?!

Толстяк вздрогнул и невольно покосился в сторону усатого... Никита замахнулся и от души саданул противника по затылку. Бац! Бугай ахнул, попытался сообразить, что же произошло... но глаза его закатились, он обмяк и растёкся холодцом у ног победителя.

– Вечно проблемы со всякими придурками... – буркнул Никита недовольно, после чего перекинул взгляд с одного валяющегося тела на другое. – Ну и кто из вас Прохор Александрыч?..

С облегчением он заметил, что грудь старшего всё-таки вздымается и опускается. Жить будет. Только быстрее скорую надо вызывать: промедли сейчас, и человека уже не спасти...

– Стоять! – рявкнул сердитый голос. – Даже не думай двигаться!

Никита закрыл глаза и тяжело вздохнул – голос раздался со стороны авто, а значит, всё это время за ними наблюдали. Подняв руки над головой, он медленно повернулся. У раскрытых дверей внедорожника стоят двое мужчин в спортивных костюмах. Обоим под тридцать пять, лица серьёзные и чем-то схожие. Можно запросто принять их за братьев.

– Не шевелись! – приказал тот, чей голос уже звучал. В его руке чёрным дулом огрызнулся «Макаров». – И кричать не вздумай – сразу положу!

– Больно надо... – Никита перевёл взгляд на второго. – Сегодня уже накричались вдоволь. Хватит пока...

Лица обоих хоть и напряжены, но не выдают той смуты чувств, что охватывает человека, терзаемого стрессом. Говоривший мужик выглядит чуть старше второго, молчащего. На его макушке ещё сверкает зарождающаяся лысина.

– Ты не храбрись, не надо. – Мужик помотал головой. С Никиты не сползал его цепкий, прощупывающий взгляд. – Мы и так уже видели, какой ты хороший танцор. Оценили.

Второй упёр взгляд сначала в Никиту, потом в расплывшегося у его ног толстяка. Кожа на его лбу взбугрилась, он почесал челюсть и снова посмотрел на Никиту, но уже как-то по-новому...

– Если вы хотите что-то сказать, то говорите, – произнёс Никита спокойно, как смог. – Не можем же мы целый день

тут стоять?

– Ну, это смотря, как рассудить, – парировал первый. Пистолет в его руке всё также следил за мишенью. – Хозяин этого дома лежит сейчас без сознания. Наш приятель тоже... А больше никого здесь нет. Смекаешь, к чему веду?..

«Врёт или нет? Неужели дома у усатого никого, кроме него самого?» – подумал Никита, пока бегут секунды. «Если не врёт, то вызвать полицию некому, и этим двоим спешить и в самом деле не приходится»...

Второй несколько долгих мгновений сверлил Никиту заинтригованным взглядом, потом наклонился к уху первого и что-то прошептал.

– Ну... – первый нахмурился, его взгляд стал раздражённым. – Да чего тут разбираться? Кого?.. Хотя да, Вов, ты прав. Вызывай.

«Вова» отошёл и достал мобилу – старенькую кнопочную болванку с истёртыми клавишами. Набрав номер, он нажал на вызов и приложил телефон к уху.

– Алло! Дим, привет... – голос его стал вдруг сухим и словно бы простуженным. – Извини за беспокойство, просто у нас тут вопрос, требующий твоего внимания...

Пока второй болтал, Никита не сводил глаз с первого. Прикидывал, сможет ли прыгнуть так быстро, чтобы выхватить чужое оружие и не словить при этом пулю. Бандит будто прочёл его мысли – посмотрел ему в глаза, ухмыльнулся и помотал головой.

– Тут такое дело... – «Вова» положил ладонь себе на макушку и оглянулся на беспамятного толстяка. – У нас форсмажор случился. Петя немножко лишнего себе позволил. Помнишь, у него с дочкой Александрыча из паспортного шуры-муры были? В общем поругались они, и Петя его приложил. Тот без сознания сейчас...

Голос в трубке загредел, как гром. Звонящий смолк и вынужденно терпел ругань.

– Да мы знаем, Дим, знаем... – оправдывался он виновато. – Да, да, ага...

Никита шумно вздохнул и переменял опорную ногу. Его сторож, не сводя глаз, сделал то же самое, словно отзеркаливая пленного.

– Знаю, Дим. Мы этот вопрос решим, ты не думай, – одной рукой звонящий держал телефон, а второй жестикулировал, будто стараясь отыскать нужные слова. – Загвоздка у нас в другом. Тут один прохожий... как бы это сказать... с Петей закусился... и его положил, в общем. Нет-нет, я думаю, Петя жив, просто в отрубе сейчас... – Тут его взгляд коснулся Никиты, потом прыгнул на распростёртого в пыли бугая. – Мы вот решаем, что с ним делать. Понимаешь? Петя, конечно, не прав – тут мы спорить не будем. Но он ведь наш...

Ему опять пришлось что-то выслушивать. «Вова» даже заткнул свободное ухо и нахмурился в потуге толи расслышать, толи удержать услышанное в голове. В это время Никита с первым бандитом вызывающе пялились друг на друга.

Было это откровенно провокационно и походило на игру в гляделки.

– Ага! – «Вова» кивнул, вслушиваясь. – Ага, понял! Нет-нет, с этим всё в порядке, лишних глаз нет... Хорошо, мы уже выезжаем! – С этими словами он отключился и поднял глаза на старшего. – Короче, Вась, смотри: сейчас Петю и этого ловкача грузим к нам. Сюда вызываем карету скорой, а сами едем на Пятую просеку. Это где ещё озеро такое есть. Помнишь?

– Что-то припоминаю... – не сводя глаз с Никиты, «Вася» кивнул. – Этот там мы в тот раз с тольяттинскими встречались?..

– Ага. Дима сказал через полчаса туда подъедет, так что давай, сажай к нам этого танцора, а я попробую Петю затащить...

С этими словами Вова, внутренне готовясь волочить тяжёлое, двинулся к бесчувственному дружку.

– Ну что, болезный... – Вася взял игривую интонацию. Его залысина блеснула в лучах вечернего солнца. – Ты сам всё слышал. Давай, – он помахал пистолетом, – полезай в тачку. И руки держи на виду. Дёрнешься – пристрелю.

– Ты повторяешься, – заметил Никита с подчёркнутым спокойствием. Всеми силами он старался волнения не выдать. – А что, на месте порешать этот вопрос никак нельзя?

– Ха! – Вася улыбнулся, обнажил зубы. – А ты мне нравишься! Вов, ты слышал?

– Слы...шал... – выдавил Вова через силу, его лицо уже побагровело от натуги волочить тяжеленую тушу. – Ты вот что, друг – не выкаблучивайся. Делай, что говорят. Может, и целым уйдёшь...

Никита продолжил:

– Может, даже на своих двоих?..

– В точку, – Вася ещё раз помахал пистолетом. – Давай полезай. Не доводи до греха.

Никита подавленно опустил голову. В этот момент его ноги будто бы вмёрзли в землю и сдвинуться стало не легче, чем поднять на своей спине быка. Поедешь – подставишься, не поедешь – этот гад навряд ли промахнётся...

Сделав ещё один глубокий, шумный вздох, Никита направился к машине.

– Ох, ну и тяжёлый же! – Вова натужно тягал толстяка за руки. – Откормил ряху, боров!

Его лоб взмок, ветровка в подмышках потемнела. Никита шёл медленно и как бы невзначай предложил:

– Тяжело что ли? Давай помогу...

– Спасибо, – Вова сделал ещё один трудный шаг. – Только дураков в другом месте поищи.

– Бог в помощь... – Никита пожал плечами и с обозначенной неторопливостью влез на заднее сиденье.

– Вот молодец! – Вася с ухмылкой покачал головой. – Веди себя и дальше хорошо!

Сам он садится не спешил. Не сводя оружия с пленника,

он достал телефон – тоже старый и потёртый, только раскладной. С актёрским волнением он произнёс:

– Алло, скорая?.. Приезжайте, пожалуйста, к нам! У нас тут драка произошла. Человека побили!

Никита слушал, как изъясняется его пленитель и в душе ухмыльнулся, настолько правдоподобно тот изобразил невинного, прямо овечку, заставшую криминал. Зверски корча рожу, Вова дотянул беспамятного бугая до машины и чуть не свалился у самой двери – еле удержался, схватившись за ручку. Толстяк выпал из его рук.

– Нет, один я не смогу... – выдавил он с хрипом, словно десять сигар подряд выкурил. – Давай, Вась, помогай. Этот мешок слишком тяжёлый!

– Только шелохнись... – пригрозил Вася жестоко. – Ну ты понял...

Задержав взгляд на пленнике на несколько долгих секунд, он подошёл к раскрасневшемуся Вова и они вместе, кряхтя и чуть ли не пукая, потянули толстяка за руки, постарались уложить его затылком на сиденье. Вова кусал губы, его глаза выпучились, как у рака. Желваки Васи вздулись, на шее вспучились вены, а вески надулись, как сытые удавы. Никита глядел на них с искренним сожалением. Не забыл он и высматривать пути к бегству... однако Вася, пусть и занятый, оставался бдителен. Его движения говорили, что он настроен и готов стрелять в любой момент.

С грехом пополам, с матами, но они всё же усадили тол-

стяка на переднее сиденье, после чего с громким облегчением вздохнули.

– Ну наконец-то! – Вова нагнулся, упёрся ладонями в колени. – Пипец! Какой же он тяжёлый!

– Надо будет нашему Петюне абонемент в тренажёрку купить... – Вася хохотнул сквозь отдышку. – Безлимитный!

– Он и так уже куда-то ходит, – прохрипел Вова между вздохами. – Забыл, как это место называется...

Петя, словно расслышав что-то о себе, дёрнулся, всхрипнул... однако его голова вновь безвольно упала на грудь.

– Ладно. Хватит тут торчать. – Вася глянул на Никиту. Его зрачки в этот момент будто бы сузились, как у змеи. – Пора в дорогу! Вов, давай за руль. А я покатаюсь вместе с нашим клиентом.

Никита подвинулся, когда к нему резво и бесцеремонно подсели – в нос ударил крепкий запах пота. Вася уселся поудобнее, пистолет в его правой руке лёг на колено, однако кисть в любую секунду может повернуться, а палец нажать спуск. Пытаться отобрать оружие слишком рискованно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.